

андрей ВОЗНЕСЕНСКИЙ

**андрей
ВОЗНЕСЕНСКИЙ**
СТИХИ

11
Г. У. У. У.
H

113-2003

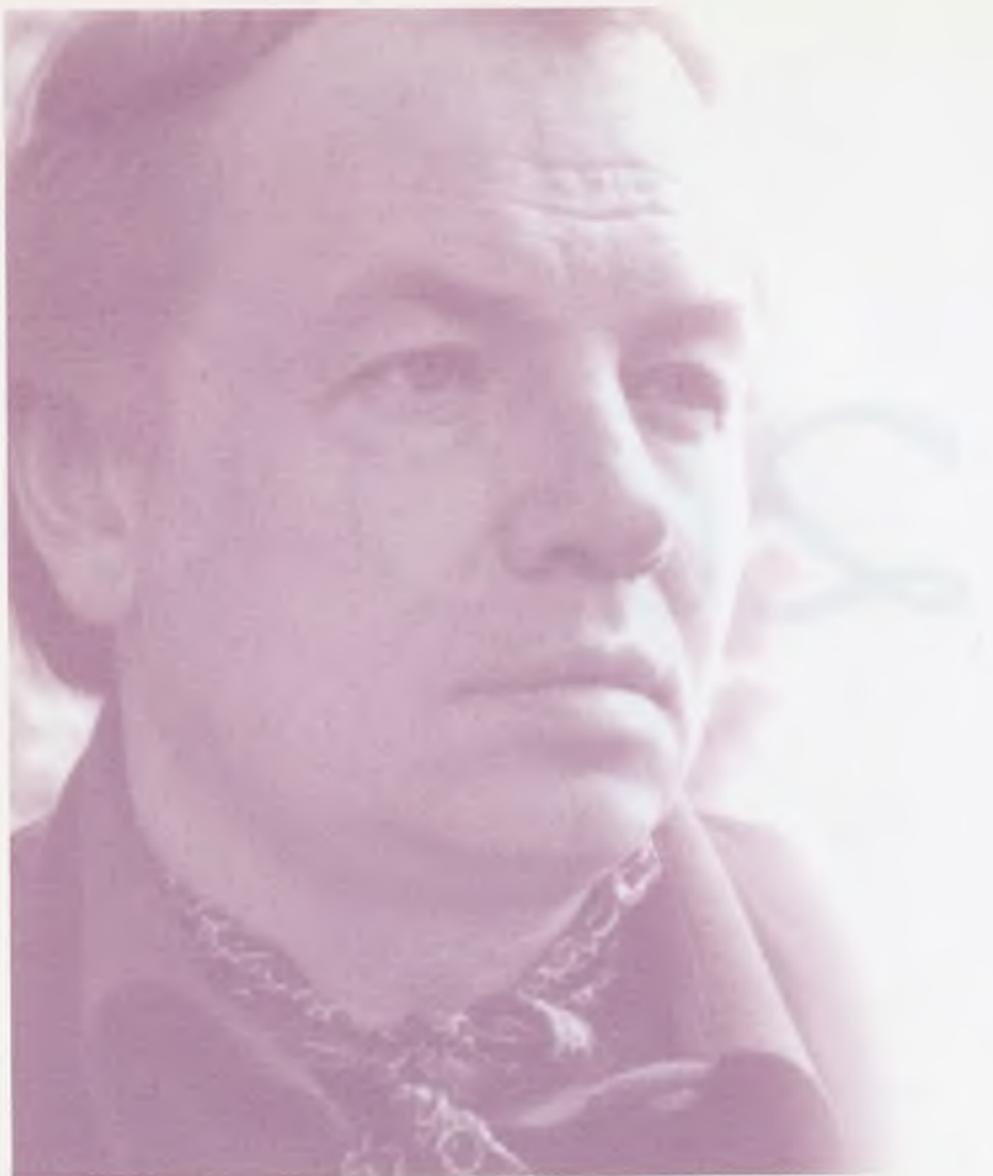
Государственный архив
Москва

2000

2000 K...
the year, by the year -
as...
is... by...

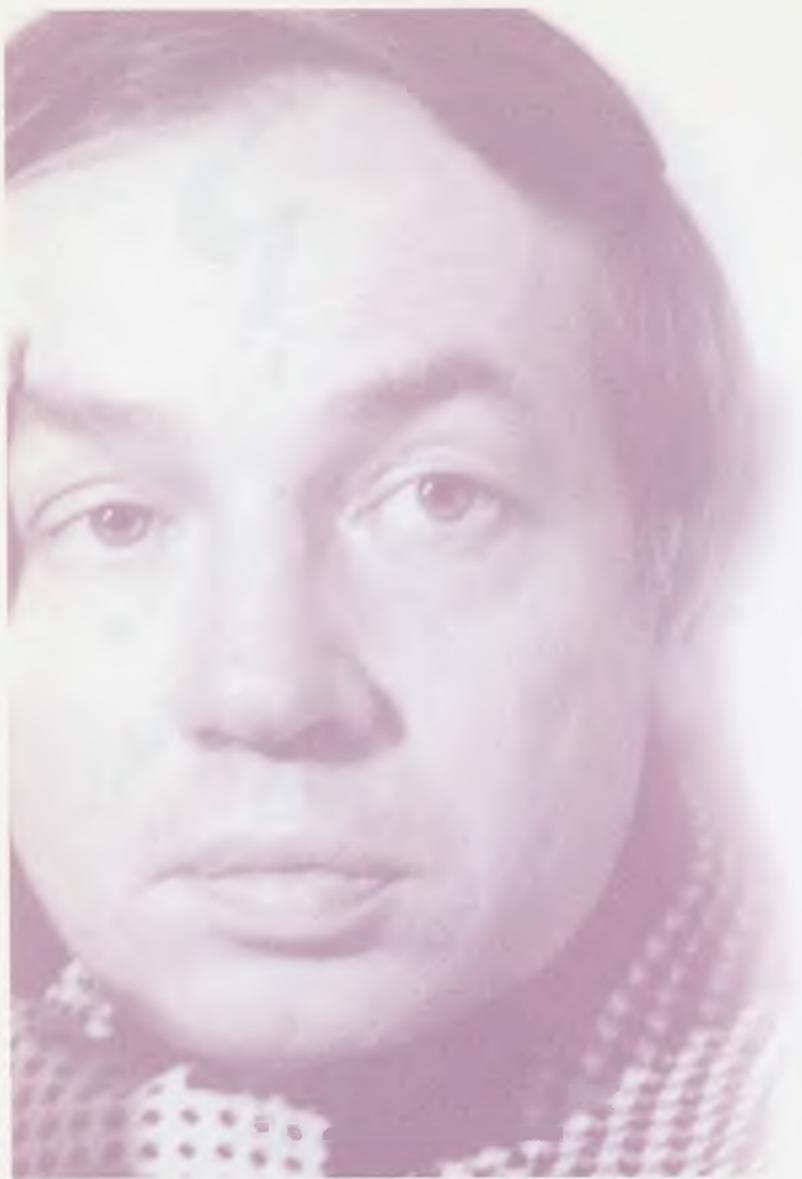
5

2

1

3

4

а н д р е й   в о з н е с е н с к и й

*Поэтическая
библиотека*

СЕРИЯ
ОСНОВАНА В 1993 ГОДУ

андрей вознесенский

стиХХІ

Москва 2006

ББК 84Р7-5
В64

дизайн, макет
валерий калныньш

графика
андрей вознесенский

Вознесенский А. А.
В64 СтиХХI. — М.: Время, 2006. — 248 с.: ил. — (Поэтическая библиотека).

ISBN 5-9691-0141-9

«XX век улетает, тлея, как два креста святого Андрея». В новую книгу классика современной русской поэзии Андрея Вознесенского вошли стихи XXI века. Те же блеск и ясность метафор, та же напряжённая строка, та же чёткость «картинки» перед глазами. Но — новый мотив: «Работа тяжёлая — воскресение: осталась кровавая мука испарины». И вывод, с которым не сможет не согласиться читатель: «Я потрясающе воскресая».

ББК 84Р7-5

ISBN 5-9691-0141-9

© А. Вознесенский, 2006
© В. Калныньш, дизайн 2006
© «Время», 2006

*Чтоб кто-нибудь меня понял —
Не часто, ну хоть разок —
Из раненых губ моих поднял
Царапнутый пулей рожок.*

марля времени

Х. В.

Пещера за мною искрит, как кресало.
Я — воскресаю.

Мария, поверь мне! Окстись, Куросава.
Я — воскресаю.

Под нами ристалища. Птичьи стаи.
Мелькают бутылками башни Кремля.
Я потрясающе воскресаю.
Качнётся затылком планета Земля.

Я — воскресаю!

Летит сзади жизнь, как пустая соломинка.
Иные пути горизонт отворил.
И некто, весь в белом, похож на садовника,
как будто бы камень с души отвалил.

Но каждая малость в селенье Эммаус
кричит: «Понимаешь,
чутко задержись!»

Неужто бессмертье, куда поднимаюсь,
ценней, чем гримасничающая жизнь?

Работа тяжёлая — воскресение:
осталась кровавая мука испарины.
Она — никаким неземным просветлением,
увы, не исправлена.

На третьи сутки ты встанешь разутая,
увидишь на кухне разгромленный стол,

ты в полном рассудке, но это не шутка, —
кто-то вошёл.

На трети сутки я вызову трепет.
Ты лучше в Евангелие посмотри.
Сталин умер в 53-м,
Воскресший дал рыбин — 153.

А ножки твои холодны, как рыбёшки.
Опять воскресенье в преддверье весны.
«Опять те же сны», — ты сквозь сон улыбнёшься.
И я в потрясенье! «Опять те же сны...»

Ты знаешь, как вырубить полтергейсты,
как выбрать шпинат.
Но даже под стрижкою посттургеневской
тебе воскресения не понять.

Во мне воскресают и Пресня, и Пресли,
и папские инвалидные кресла.

Тайфун поглощает людскую заразу,
как ухо безумного унитаза!

Крысиные страхи — кораблекрушение.
Начальников fusкаю.
Горят керосинные воскресения.
Горят люди-факелы.

И жаждет реванша эстрады жупел.
Фома прозревавший мне раны щупал.

Всё стало обычным, как чай с круассаном.
Я — воскресая.

Со свечками торт розовеет, как вымя,
полтергейсты его вкушают.
Бог назвал нас «жестоковымиными»
с необрезанным сердцем и ушами.

Мультишки Японии,
грусть Хокусая,
другими непонятый —
в других воскресаю.

Ни сплетен, ни слухов,
назло медицине.
Во имя Духа,
Отца и Сына.

Я нужен — как пристани
зов парохода.
Я знаю, что истина —
это Свобода.

Как будто безумный моряк на мачтах,
не понимаю, что восклицаю,
я вижу тебя, неродившийся мальчик,
тебе — воскресаю.

В Лопаткиной вдруг проступает Карсавина.
В других — ВОСКРЕСАЮ!

Мои зубы смеются с улицы.
Мои губы с Твоими целуются.
Мои руки с Твоими сплетаются —
это муки реабилитации.

Мои очи — укор очкарикам.
В моих почках — «бочковое с гарликом».
Мысли-мухи в мозгу базарятся.
Это муки цивилизации.

Этажи снижаются в лифте.
Дух мой с плотью ещё в конфликте.
У Есенина спазмы шейные —
это плата за воскрешение.

Пускай назавтра след потерялся,
жизнь — метафора христианства.
Гамадрилы гадят в церковке сельской,
мой прапрадед — архимандрит Вознесенский.

XX век улетает, тля,
как два креста Святого Андрея.
В XXI соединим,
+ один муэдзин.

Мощным крещендо
шатая зал,
своим воскрешеньем
Христос сказал:

«Я первый страдаю
от бед несуразных,
в Тмутаракани, в Гвинее-Бисау
я вас заслоняю крестообразно,

за всех — ВОСКРЕСАЮ!»

МОРЕ

Море разглаживает морщины.
В море — и женщины, и мужчины.
Глупо спрашивать про причины.
Море разглаживает морщины.

Спят пеликаны, как нож перочинный.
Сколько отважных море мочило!
Пляж не лажает тебя. Молодчина!
Горе не страшно. Оно — не кручина.

Море разглаживает морщины.

***

Как палец, парус вылез.
И море — в бигуди.
И чайки смелый вырез
у неба на груди.

СОСКУЧИЛСЯ

Как скученно жить в толпе.
Соскучился по Тебе.
По нашему Сууксу.
Тоскую. Такой закрут.
По курточке из лоскут,
которую мы с Тобой
купили на Оксфорд-street.
Ты скажешь, что моросит...

Скучаю по моросьбе.
Весь саксаулочный Крым,
что скалит зубы в тепле,
не сравнится с теплом Твоим.
Соскучился по Тебе.

По взбалмошному леску
с шлагбаумовой каймой,
как по авиаписьму,
отосланному Тобой.

Соскучился по шажку,
запнувшемуся в дому.
Соскучился по соску
напрягшемуся Твоему.
Всю кучерскую Москву
ревную я потому,

что жили мы пять минут,
и снова опять во тьму!
И нас спасти не придут
ни Иешуа, ни Проку-...

Все яблочки из преЙску-
червивые, точно Q.

Угу!
Я — совсем ку-ку!

Сейчас заскулю как су-
ка бескудниковская! Хочу
в замученные жемчу-
жины серых Твоих глазищ!

Ты тоже не возразишь,
что хочешь на Оксфорд-street.

Гитара в небе летит.

При чём она? А при том!
Сказал мне Андре Бретон
о том,
что летит она, похожая на биде.

Паскуды! Пошли все на!..
Соскучился по Тебе.

Соскучился и т. п...

НОВЫЙ ПОЭТ

Старый корвет — самый юный и модный
тысячу лет.
Вышел на улицу без намордника
старый поэт.
В ужасе дети. Полыми флейтами
свищет скелет.
Вдруг проклянёт он наше столетие,
страшный поэт?
Мэтр партизанит хромой куртизанкою
под марафет.
Танки похожи на запонки
в грязном снегу манжет.
Ежесекундно рождается заново
новый поэт.
В жизни для женщин, в хохоте встречных
смерти ища,
старый поэт, ты бессмертен и вечен,
как человеческая душа!
Душа народа на предъявителя.
Возраста нет.
Где моя вера, шар из финифти?
Слово в зените
через запрет?
Новые русские, извините,
я — старый поэт.

ПЕСЕНКА

Сбит месяц набекрень,
как козырёк на лбу.
Всё в мире дребедень,
но я тебя люблю!

Усадьба — а-ля Лувр.
Ус Чаплина — дабл ю.
Вздохнут духи «Аллюр»,
а я тебя — люблю!

Купите ТераФлю,
кончайте terror, бя!
Курийте коноплю!
А я люблю — тебя!

Как дятел, я долблю,
верблюдов веселя.
Цепочкой из w
жужжжжитполётимеля —
шмаляйте по шмелю!

И, вызывая смех
у нашего зверья,
ты скажешь: «Больше всех
люблю тебя!» А я?

ОЗЕРО ЖАЛОСТИ

Твои очи — Женевское озеро.
Запрокинутая печаль.
Кто-то бросил? Сама ли бросила?
Жаль. На жизни написано: «ЖАЛЬ».

Вспышки чаек, как приступы боли,
что ко мне, задышав, спешат.
Точно пристальные магнолии,
украшающие ландшафт.

Сплющен озера лик монголоидный.
Вам в душе не летать уже...
Нелетающие магнолии,
или парусник в форме «Ж».

Упредивши мужские шалости,
пережив успех и позор,
мы спускаемся к озеру Жалости,
может, главному из озёр.

Жизнь истоптана, как сандалии.
В диафрагме люди несут
это чувство горизонтальное,
сообщающееся, как сосуд.

Вздёрни брючный манжет, точно жалюзи!
И летит, взяв тебя в полон,
персональное озеро Жалости,
перепончатое, как баллон.

Жаль, жалейка не повторится!
Жаль — Кустурица не Бежар,
жаль — что курица не жар-птица,
жаль.

Жаль, прокладки, увы, не лампадки,
озаряющие алтарь.
А шарпея, смятого в складки,
что, не жаль?

Жальче, что моей боли схватки
тебя бросят в озноб и жар?

Почему это всё продолжается,
как элегия Балтрушайтиса?
Кто у чаши отбил эмаль?
Мы устали жалеть? Пожалуйста!

Нету озера! Нету жалости!
Опустите брючные жалюзи.
Проживём без жалости... Жаль.

Понимаю, есть женские козыри,
шулер, некая точка ru! —
шулер, некая точка рю,
чашу лермонтовскую допью...

Тебе фото Женевского озера,
точно зеркальце, подарю.

ОТКАТ

Благодарю тебя за святочный
певучий сад.
Мы заменили слово «взяточник»
на благозвучное «откат».

Мы в мировом правопорядке
живём фарцой.
С нас Бог берёт, как пчёлы взятки,
пыльцой.

Как хорошо в душе, и в лимфах,
и в голове.
Господь мне посылает рифмы,
себе взял — две.

Отказ от родовой фазенды.
Отказ от сдачи на лотках.
Откатывающиеся проценты.
В иные времена — откат.

А по ущельям и аркадам
акант цветёт.
Я научился жить откатом,
отказом от

экономических загадок,
пустых задач.
Ночь открывается закатом!
Люблю закат!

Откатываются тревоги,
от волн откат.
Откатывающиеся дороги
ведут назад.

Отряд ушёл беспрецедентно:
четверо ничком лежат.
Господь забрал себе проценты.
Откат...

ВИДЕНИЕ

На двух ладонях несу вам пламя
спортивной ласточкой на весу.
Как официант, подносящий прану,
духовное тирамису.

ОСЕНЬ ПАСТЕРНАКА

Люби меня!..
Одна была — как Сольвейг,
другая — точно конница Деникина.
Заныкана общественная совесть!
Поэт в себе соединял несое-
динимое.

Две женщины — Рассвета и Заката.
Сегодня и когда-то. Но полвека
жил человек на ул. Павленко,
привязанный, как будто под наркозом,
к двум переделкинским берёзам.

Он, мальчика, меня учил нетленке,
когда под возмущения и вздохи
«Люби меня!» — он повелел эпохе.

Он не давал разъехаться домашним.
«Люби меня!» — он говорил прилюдно.
И в интервью «Paris dimanche»-м,
и в откровении прелюдий.

Любили люди вместо кофе — сою.
И муравьи любили кондоминиумы.
Поэт собой соединил несое-
динимое,
любили всё: объятия, и ссоры,
и венских стульев шеи лебединые.

А жизнь давно зашла за середину,
у Зины в кухне догорали зимы.

А Люся, в духе Нового Завета,
была, как революция, раздета.
Мужская страсть белела, как седины.
Эпоха — третья женщина поэта,
его в себя втыкала, как в розетку —
переходник для неисповедимого.

У Зины в доме — трепет гарнизона,
и пармезан её не пересох.
У Люси — нитка горизонта
развязана, как поясок.

— Вас сгубит, переделкинский отшельник, —
не царь, не государственный ошейник, —
две женщины вас сгубят.

I'm sorry.

Настали времена звериные.
Какие муки он терпел несои-
змеримые.

Все жёны помышляют о реванше.
И, внутренности разорвавши,
берёзы распрямлялись:
та — в могилу,
а эта — с дочкой в лагерь угодила.
И в его поле страшно и магнитно
«Люби меня!» — звучит
без возражений.
И этим совершалось воскрешенье.

Летят машины — осы Патриарха.
Нас настигает осень Пастернака.

У Зины гости рифмами закусывали.
У Люси гости — гении и дауны.

Распятый ими губку в винном соусе
протягивает нам
из солидарности.

У Зины на губах — слезинки соли,
у Люси вокруг глаз синели нимбы...

Люби меня!
Соедини несое-
динимое...

Тебя я создал из души и праха.
Для Божьих страхов, для молитв
и траханья.
Тебя я отбирал из женщин разных —
единственную.
Велосипедик твой на шинах красных
казался ломтиками редиски.

Люби меня!
Философизм несносен.
Люзина? Люся?! Я не помню имени.
Но ты — моя Люболдинская осень.
Люби меня!
Люби меня!
Люби меня!

Лик демона похож на Кугультинова.
Поэт уйдёт. Нас не спасают СОИ.
Держава рухнет треснувшей льдиною.

ПОЭТ — ЭТО РАСПЛАТА ЗА НЕСОЕ-
ДИНИМОЕ

НОСОРОГ

Мы познали лишь предбанник.
Краток срок.
Поглядите на рубанок —
это ж носорог!

Красноглазы, косороты,
в стружках, точно паровоз,
носороги, носороги,
мчат шипами красных роз.

Носороги на дороге —
точно памятник эпох.
Носороги на сороке —
вроде блох.

Под бронёй орденоносной
шёлк застенчивых кишок.
Стружкой пенятся доносы.
Напряжённый, как курок,
в бой, как Навуходonosор,
он бежит, сороконог.

В животе у носорога
наш волшебный носорог! —
Меж твоих дремот и пуков
в носорожьем животе
по фамилии Сонвруков
пребываем в тесноте.

Почему оптимистична
его кожа под паршой?

Рог торчит, как палец, тычась
«на большой»?

Почему же среди монстров
настороженный рывок?
Пастернака звали сёстры
«носорог».

Мы живём, забыв о Боге.
Быт в квартире всё тесней.
Люди — это носороги.
Нет людей.

СКВ ПРИЛЕТЕЛИ

Глядите, «зиг хайль» вздыбил медную площадь,
с дворцовой фарцы
тебя приведу на Скворцовую площадь,
где свищут скворцы.

Еловые ветки подобны консолям.
Не избы для птах —
мы храмы построим, мы мессу настроим —
куда И. С. Бах!

Творцы, может, были убийцы и грешники,
но души их с дырочками изнутри,
волшебна на небе горят, как скворечники —
индивидуальные алтари.

Те дырочки — чёрные круглые лазы,
как тёмный манок,
часовни дощатые одноглазо
горят, как монокль.

Творцы поумолкли, птенцы не намокли.
Внимательные, как глаз,
кривые насмешливые монокли
взирают на нас.

Не будет ни ареста, ни награды
за их монолог —
лишь песенка нищего аристократа
и глупый монокль.

Банкноты струились, как ноты форели,
живём одноразово.

СКВ прилетели! СКВ прилетели!
Звоните Саврасову!

Прожить бы с тобою в лесном изобилии,
ворчи — не ворчи,
и мессу служить, что скворцы сотворили —
скворцы-чернецы.

Надменным моноклем, вылезая из фортки:
«Хэллоу, коты!»
Всю жизнь просвистать, как залётные скворки, —
как я и как Ты.

***

Я хочу Тебя услышать.
Я Тебя услышать хочу.
Роза, ставшая усыхать,
шорох вечности обретя,
мне напомнит каракульчу.

Звук — пустышка, белиберда.
Стакан, звякнувший по кольцу.
Я хочу услышать Тебя,
прядь, что нотным ключам под стать,
и кишку, что бурчит опять, —
я хочу Тебя услышать —
блузки шелесты по плечу...

Всю Тебя услышать хочу.

НЕ СЕТУЮ

Рыбу третьей свежести едим из Сетуни.
Поэты третьей свежести набрались сил.
Не бывает отечества третьей степени.
Медведь вам на ухо наступил.

Моё отечество — вне всякой степени,
как Бога данность, —
к нему, точно к песне, всегда не спетой,
испытываю благодарность.

***

Михаилу Жванецкому

Проктолог — отоларингологу:
«Сквозь лярву вижу вашу голову.
В дыру тоннеля бесконтрольного
я вижу божий свет и горлинку».

Проктолог — отоларингологу:
«Ночами и парторги голые!
Вглядитесь в глубину парторгову!
Отари Ларина потрогала».

Проктолог — отоларингологу:
«Не запивай пулярку колою!
Путь к воскрешенью зафрахтован
Нам Франкенштейном и Фрадковым».

Проктолог — отоларингологу:
«Патрон наш срок не пролонгировал.
С тротилом тачка припаркована.
С одной Тобюю нет прокола».

Проктолог — отоларингологу:
«У Ларри Кинга рiск с приколами.
Россия славится расколами.
Ахматова сгубила Горенко».

Ты, Миша, брутто гениален
меж непробудных гениталий.
Стране, дежурящий, ты дорог
как практикующий проктолог!

Пускай другие врут с три короба:
«Шнур популярнее Киркорова».

***

Скачут яблоки, как блохи.
Скачут яйца, точно зайцы.
Что касается эпохи —
нас это не касается.

ПРОЩАЙ, САЙГАЧОНОК!

Вертолётной охоты загадка —
тень, скакнувшая по холмам.
Как глазастый детёныш сайгака,
умерла Франсуаза Саган.

Нынче кажется несуразно —
когда мне, учащая пульс,
ты представилась: «Франсуаза»,
как сказала бы — «Здравствуй, грусть».

Стала горьким слоганом фраза.
Мне хотелось всего и сразу.
Я обидел тебя, Франсуаза.
С длинноногой ушёл, как хам.
Мы с тобой — скандальные профи,
персонажи для PAL/SECAM.
Виноватую чашечку кофе
не допью с Франсуазой Саган.

Кеды белые, как картофель
ежедневных телереклам.

Кто вмонтирован в современность —
Магомет или Иисус?
Нашей дезе: «Да здравствует ненависть!»
отвечаешь ты: «Здравствуй, грусть».

Нашим дням, ты сказала бы — полный,
не Великий пост, а постец.
Сайгачонку сломали крестец.
Абажур протрезвевший вспомнит
твою фразу: «Bonjour, tristesse».

Я теперь брожу по Парижу,
Грусть нелепа, как омнибус.
Всё прекрасно и не паршиво.
Наспех с кем-нибудь обнимусь.
Вдруг ты выглянешь, сайгачонок,
и в глазах твоих огорчённых —
Bonjour, грусть...

Там Гольбейн пьёт с Куртом Кобейном...
Тома Круза ждёт в гости Пруст.
Все обиды теперь — до фени...
Точно кайф мечты наизусть,
мне над чашечками кофейными
повторяешь ты: «Здравствуй, грусть».

Инакомыслие кокаина.
Ты простила. У ангелов стресс.
Мне прощаться с тобой наивно.
До тебя лишь один присест.
Груз души, что в тебе повинна,
тяготит. Абажур нетрезв.

Прощай, грусть. Твой «bonjour, tristesse!»
Как ты Там? С кем шнурujesz кеды?
Я от ужаса отшучусь:
«Сайгачонок, бонжур, покедова!»
Прощай, грусть!

ЛЕТО ОЛИГАРХА

Опаловый «Линкольн».
Полмира огуляв,
скажите: вам легко ль,
опальный олигарх?

Весь в чёрном, как хасид,
легко ль дружить с Христом?
Под Нобеля косить?
Слыть антивеществом?

Напялив на мосла
Ставрогина тавро,
слыть эпицентром зла,
чтобы творить добро?

Бежит по Бейкер-стрит
твой оголец, Москва.
Но время состоит из
антивещества.

Кар взорван. Бог вас спас.
Вас плющит сноуборд.
С экрана ваш палас
летит, как в рожу торт.

Как беркут поугрюмев,
вы жертвуете взнос,
чтобы в российских
тюрьмах исчез туберкулёз.

Жизнь — не олеограф
по шёлку с фильдеперсом.
И женщин, олигарх,
вы отбивали сердцем.

И пьёте вы не квас,
враг формул и лекал.
Люблю безумство в вас,
аллегро-олигарх!

Люблю вместо молитв
отдачу сноуборду
и ваш максимализм —
похмельную свободу!

Господь нахулиганил?
Все имиджи сворованы.
Но кто вы — «чёрный ангел»?
Иль белая ворона?

Над Темзой день потух.
Шевелит мирозданье
печальный Демон, дух
изгнанья.

Надежда или смерть?
Преддверие греха?
Рубаю Божью снедь
я, олигарх стиха.

14 апреля 2003

ПЛОХОЙ ПОЧЕРК

Портится почерк. Не разберёшь,
что накарябал.
Портится почерк. Стиль нехорош,
но не характер.

Солнце, напрягшись, как массажист,
дышит, как поршень.
У миллионов испорчена жизнь,
воздух испорчен.

Почки в порядке, но не понять
сердца каракуль.
Точно «Варяг» или буквочка «ять»,
тонет кораблик.

Я тороплюсь. Сквозь летящую дичь,
сквозь нескладуху —
скоропись духа успеть бы постичь,
скоропись духа!

Бешеным веером по февралю
чиркнули сани.
Я загогулину эту люблю
чистописанья!

Скоропись духа гуляет здесь
вне школьных правил.
«Надежды нету — надежда есть»
(Апостол Павел).

Почерк исчез, как в туннеле свет.
Незримый Боже!
Чем тебя больше на свете нет —
тем тебя больше!

ДЕНЬГИ ПАХНУТ

Деньги пахнут будущим,
тем, на что их тратим, —
для дачки булочкой,
или же терактом.

Деньги пахнут жизнью,
мыслью миллионов.
Пахнут потным жимом
нищих чемпионов.

Деньги пахнут женщиной,
страстной мотовкой,
чуждой сбереженщине...
Новенькой церковкой,

Богом деньги пахнут,
детским марципаном.
Баху, как и Пахмутовой,
нужны меценаты.

Пахнут волей, Господи,
иногда тюрягою.
Чем их больше копите —
больше их теряете.

Впрочем, неприлично
говорить о деньгах.
Как хвалиться лично,
сколько трахнул девок.

Живите незапахнуто,
даже тот, кто в розыске.
Удобренье пахнет
будущими розами.

СЕМИДЫРЬЕ

В день рожденья подарили
мне заморский дылбушир.
Сальвадорье. Семидырье.
Трёх вакханок чёрных дыр.

Что пророчат их проделки?
Чтобы вновь башку разбил?
Кабинет мой в Переделкино
свищет сквозняками дыр.

В каждой женщине — семь дыр:
уши, ноздри, рот и др.
Но иного счастья для
есть девятая дыра.

Автор в огненном тюрбане
продуцирует стриптиз —
гениальный Мастурбатор?
Фиолетовый флейтист?

Праздник — шумная ходынка.
Но душа заштопана;
закупоренная дырка.
Кто бежит за штопором?

Ищет рай душа Яндырова,
потеряв ориентир.
Что в подарок мне вкодировал
гений, прародитель дыр?

Сбросьте иго истеричек!
Дар — возможность стать собой.
Супернеэгоцентричность —
быть дырой.

Радырадырадыра —
возрождаемся, дая.

Сталин — Дали семинарий.
Что же, Господи, нам делать?!
И какое семидарье
жить с звездой № 9!

ЯПОНОМАНИЯ

Питаясь с неба манною,
прикольна и странна,
страна Япономания —
волшебная страна.

Япономанцы — пончики
во внутреннем соку.
Закутаются в пончо
и пьют свою «саку».

Их немцами Востока
зовут круги цивилизные.
Евангелье с восторгом
зовёт «жестоковыйными».

Любовь моя и мания —
культурный вандалист,
в страну непонимания
тебе не надо виз!

Необходимо крайне,
чтоб дефицитный слух
понятьем Росукраины
не превращал нас в сук.

Но жизнь, она жмёт прямо,
и лучше для всех стран
пойти к «Япономаме»,
совместно в ресторан!

НЕ ПОКИДАЙ МЕНЯ

Романс

Я в панике, что ты меня покинешь!
Сегодня. Не когда-нибудь...
Ни бабки, ни эфир паникадилищ
не смогут мне тебя вернуть.

Не кинь меня! Ты отвечаешь: «Да уж...»
Под мышками жжёт старая трава,
я чувствую, меня ты покидаешь.
Сила оставила твоя.

Ты обожаешь по-китайски!
Уток пекинских — птичий грипп — нема.
Я чувствую, меня ты покидаешь.
Не кинь меня.

Женщина, застенчивая, как Кинешма,
вдруг станешь киллером синема?
Ты все равно когда-нибудь меня покинешь...
Не кинь меня!

Двустворчато окно киноманжетины.
И примула — как запонка окна.
«Таких, как я, не покидают женщины!»
Вдруг ты покинула меня?

Стыд архаичен, точно якобинец.
В кабинку автомата — толкотня.
Ты скажешь: «Финиш! Как тебя покинешь?»
Как ты останешься без меня?..

***

Памяти Алексея Хвостенко

Пост-трупы звёзд.
Отрубился Хвост.

Прохвосты пишут про Хвоста.
Ворчит святая простота
из-под хвоста.

Звезда чиста.

Прошу Христа
понять Хвоста...

Бомж музыки над площадью Восста...
ты вроде пешеходного моста,
пылишь над нами, в дырках, как бигудь...

Забудь.

Прости короткой жизни муть.
Мети бородкой Млечный Путь.

***

Безветренна наша площадь.
Зачем же перед Кремлём
подставили маршалу лошадь,
виляющую хвостом?

Но ветер, крутя, как штопор,
В невидимый ток облёк
ту Тоцкую, адскую топку...
(Учения. Код «Снежок».)
Овца тепловыми столбиками
кружилась. Спаси нас, Бог!
Водитель запомнил только:
«Как по спине утюжок...»

Всё глуше народный ропот.
А маршалу за спиной
всё чудится медный штопор
завинченной виной.

СТИХИ, НАПИСАННЫЕ В КЛИНИКЕ

Пешим ковбоем пишу по обоям.
В рифмах мой дом.
Когда Тебе плохо — плохо обоим —
двое в одном.

Мы вне общественного участия.
Век проживём.
Только вдвоём причащаемся счастьем,
только вдвоём.

Не помяну Тебя в пошлых диспутах
и в интервью.
Всех продаю. Твое Имя единственное
не оскверню.

Мысль изречённая, ставшая ложью,
сгубит себя.
Имя Твоё холодит, точно ложечка
из серебра.

Так существуем, не потакаемы
сточной толпой.
Но ты — такая.
И я — такой.

Разве поймёт зарубежная клиника
наш жилой стих —
эти каракули, стенную клинопись,
стих для двоих?!

Жалко не жизни — проститься с пространством,
взятым внаём.

Страшно — придётся с Тобою расстаться,
быть не вдвоём.

Сволочью ль стану, волком ли стану —
пусть брешут псы.

Наша любовь — оглашённая тайна.

Не для попсы.

ВАМПЫ

Поэма

Вступление

В окне качнулось Подмосковье.
И шишка на башке, как шиш.
Расплачиваюсь кровью
за Париж.

За то, что жил как понарошке,
стезя хронически крива.
Вероника из неотложки
анализирует кровя.

Сапог в Париже пахнет рыжиком,
и разделяется в тоске
желанье жить и умереть в Париже
на жизнь в Париже и реесе-ТЭЦ в Москве.

Значит, поэт во мне не помер,
и кровь стекает горяча,
заляпавши барочный номер,
расквашенного москвича.

Везут куда-то. Нервы выли.
По шороху нетопыря
я не забуду вас, ночные
парижские госпиталя!

Мне эта ночь казалась адом.
Моча в пробирках. Выл упырь.
Кто-то пропитым русским матом
раскаивался, что убил.

Тюремною была больница.
Наружка соблюдала зоны.
Преступника ждала полиция,
наручники в операционной.

Умение не оскудело,
и мне, вчерашнему божку,
сегодняшние студенты
зашили через край башку.

Так трогательно и искренне
с повязкою, как после драки,
автографами вас на выставке
преследовали вурдалаки.

Но некто страшный и невидимый,
меня, любимца Холла-Town,
за прегрешения, по-видимому,
послал в нокдаун.

И понял я, пусть однобоко:
в годах, что мимо пронеслись,
есть дактилоскопия Бога
и жизни расщеплённый смысл.

Навязчивы, как Мастроянни,
пройдут мисс Слава, мисс Успех,
единственно, мисс Состраданье
окажется нужнее всех...

Я за спасенье от тюремщиков
опять Тебя благодарю,
обретшая надежду Женщина,
одну Тебя боготворю!

Удаляются во времени
и пушкины, и пастернаки.
— От кого ты опять беременна?
— В у р д а л а к и.

Таня Ларина спит, бабуся.
Мчит кибиточка удалая.
Над губою краснеет бусинка.
Вурдалачка.

И Гоген с его таитянкой,
и Пушкин с его «Анчаром» —
бессмертие из смертных тянут
на шару.

И женщины — легковерные,
чередой керосиновых ламп...
Лермонтов —
вамп.

Мэрилин вряд ли была святая.
Как хотелось Вам бы!..
Цветаевы —
вампы.

Возрастные пятна форели,
все мы — доноры ГУЛАГА.
За Мадонной Рафаэля
тыща рожич вурдалаков!

Слово юзеру и лазеру!
Мост качается на вантах.
Дальше — недоступно разуму.
Мозг кончается на вампах.

2

Гарика Вампукова мучили газы. Перестал ужинать.
Муки продолжались. «Может, я беременен? —
подумалось. — От Вамдамова из Бирюлёва?» Озябшему
заду вспомнилась горячая плоть.
Вамдамова мучили грёзы. Ему виделась
Брюловская сияющая амазонка с газовым шифоном.
Она мчалась сквозь него, задевая его выменем.
Снятся юные коровы Брюлову из Бирюлёва.

3

Вы — вампы
(с утра несчастные банты
круты, как ртутные лампы),
Лолиты, Иоланты!

«Пиявки а-ля Вивальди,
нам крови живой подайте!» —
пить просят больные гланды
Веласкесовской инфанты!..

Мне б в теле шприц ощутить!..
Мы — ВАМПЫ! Беззащитные чудища,
транспортирующие таланты.
Мы — вампы! У всех — мобильники...

*Всё больше неестественного
искусственного:
автомобильный нерест
летит из Кунцева.*

*«Бамперная культура» — назовём мы их, эти бессмертные
образы,
оставленные нам умершими и
удаляющиеся от нас подобно красным стоп-кранам,
горящим в снегу.
Не дай бог им развернуться и понестись обратно
назад, на свою родину, куда они имеют право,
сметая всё на своём пути.
Мы все погибнем под бампером.*

Бампериализм — последняя стадия каннибализма.

*Даже у Монтеня
не всё перевернуто.
А вторая материя
хочет крови от первой.*

*Подмешавши к лаванде
веселящийся газ,
Василевские Ванды
доносили на нас.*

*Вампилова утопили.
По-английски «болото» — swamp.
ВУРДАЛАГЕРНАЯ Россия
теперь обоюдный вамп.*

*Не Наина трясёт клюкою —
прядь наивная из Ленкома.*

Как люксорно звучит Глюк' Оза!
Композиторская глаукома.

Революции реакционны:
«Взять вокзал, а потом почтайт».
*Гениальные моционы:
человечеством правит ямб!*

Я — *вамп*,
Я замученный зомби.
Кровь — источник тепла.
Под зурабовской бронзой
как рука затекла!...

Жизнь *сосу* из читателей,
губы раскровеня,
но Мадонне Констабиле
не прожить без меня!

Моей донорской кровью
помогаю десанту.
Жизнь вторую открою
я Марселью Дюшану.

Катерининская берёза
тронет бёдрами, и мне — амба.
После с ней разберёмся,
мы — Вампы!

4

*Время — оно шикарное, если обыкновенное,
и будущее время оказывается позади.*

Ширак меня ошарашил: «Вы помните, мэтр,
наверное,
как вместе мы выступали в maison de poesie?»

Оба президента закусывали эклерами,
шли годы 80-е, ушастые, как жираф,
мы были все влюблены тогда,
и переводчик Лермонтова,

слушал наше чириканье,
молодой и тощий Жак Ширак!

«Прошу Вас переведите
стрелки Ваши назад:
государственные вердикты
пусть по-лермонтовски заговорят!»

По-лермонтовски мятежно,
нездешне, порой угрюмо,
по-лермонтовски электрическая
туча начнёт стриптиз.

К себе возвратись
не нашей, а лермонтовской Думой.
Не в Сорренто и не в Палермо —
по-лермонтовски — вернись!

Русская поэтесса, похожая на шинкарку,
протыривалась бюстом сквозь полицейский пост,
и очередь лизавших — нашему и Шираку —
тянулась, как вопросительный, витиеватый хвост.

Плыл клевер на гобеленах,
как мулине моток.

И, вздохнув, вернулся халатно
к обязанностям Ширак.
И Лермонтов в маскхалате
пил гранатовый сок.

Лермонтов — вурдалак.

5

Мы — итоги распада.
Наши боги распяты.
Мы — вампята.

Мы дети словесной диеты.
Детишки, мордейте!

Потоки воздушные
над праздничным Тушино —
как кофе над турочкой.

Где истина? В пирсинге?
В ранней лысине?
Бумагомараки!

Деды-вудровилсоны,
Мы — вурдалаки.

Чесночные попки —
как тесные скобки
из сказочки Гоцци.

Ку-ку, педофилы!
Всё сердцу постыло...
Кровиночки хотца!!!

Вампиры напировались,
их крови анализ:

Белые Шариковы —	Красные Шариковы
Шариковы любые —	Розовые, оранжевые и голубые
Николай Кровавый —	Володя Картавый
Холестерин —	Хайль исторический простим
Гемоглобин —	МГИМО глобален, блин
Реакция Вассермана —	Вексель срама, эрекция, как у гиппопотама
Вырос сахар —	Вирус страха
Резус —	Иезус, трезвый зарежусь
Мера подончества fucking —	Фокин, мэр из Подольска
Пейте пустырник хренов —	Плюс капли от олигофренов
В аграрной стране дефицит агрегатов —	Плюс обиды на олигархов
На пейсы свет багровый кипит, как самовар, —	Напейся своей крови, самовамп
Порнуха, варнаки, живу без валторн	Уже в Пастернаке есть пост и тёрн
Живём любовью из-под хребта —	Капельки крови со лба Христа
Матисса щемящий мотив, или брызги фонтана Треви —	Антисемитизм в крови

Револьвер ментов —
 спи, дурак...
 Лермонтов — вурдалак.

Все реплики комедиантские и (до и после войны) все подвиги
 космодемьянские уже совершены.

Назвал он книгу «Живаго», непреодолимо веруя, что кровь
 вторая живая когда-нибудь станет первой.

ВРЕМЯ НЕ ОКУПАЕТСЯ, ПРОИСХОДИТ ПЕРЕОККУПАЦИЯ	ПОКА НАС ВСЕХ НЕ СОЖРЁТ. ЖИВЫХ ОСТАВШИХСЯ ЖЕРТВ
---	--

Не оскудели пиршества,
 российские Сан-Суси.
 Я столько дружил с вампиршами!
 Проси мою жизнь! Проси!

Сияют глаза большие.
 Во всём ты права. Но скажи:
 зачем ты опустошила
 свою лучшую часть души?

Свобода нам — каталажка,
 твой рот — перочинный нож.
 Красивая вурдалакша,
 без крови моей умрёшь.

И некто потусторонний,
поступками не шокируя,
какой-нибудь пост-Ставрогин
пьёт кровь из Рафа Шакирова.

Молодой Жак Ширак вместе с молодым русским
поэтом хищно и плотоядно поглядывал
на их сегодняшние отяжелевшие фигуры в туманном
Елисейском дворце.
Атлетические Отелло разминались на небесах,
неуёмные, как наймиты Гвинеи-Бисау. Сто сорок три
Гамлета мерцали, выдуманные мертвецами. Некая
энергия расправляла их.
Интеллектуалов до сих пор гипнотизирует Свамп,
заикающийся на последней букве.

Купите онучи
от фирмы «Гуччи»!
(Русалкины штучки
могучей кучки.)

Балакиревы — вурдалаки.

Беслан нам ввёл внутримышечные:
шаромыжникам и волхвам.
Русалка опустошила Даргомыжского.
Вамп.

Пытай, пытай, тов. Мюллер,
новый штамп.

М. Ю. ЛЕР мон ТОВ —
новый вамп.

И маячат вдоль Кандалакши,
свободные как такси,
красивые вурдалакши,
Господи, их прости!

Единственно неподсудная
сосущая страсть питья,
сообщающиеся сосуды
бытия и небытия.

МАРЛЯ ВРЕМЕНИ

Я поздравляю Вас, Марлен Мартынович!
Изящный носитель крутых седин.
Я бы назвал Вас — Марлен Монтирович,
Марлен Картинович,
Антиминфинович,
друзьям — Мартелевич,
врагам — Мортирович.
Антимундирович такой один.
Нет Маркса, Ленина — есть Мэрилин.
Марлен, как «шмалер», незаменим.

Для нас Вы были Политехничевич,
хрычи хрущёвские Вам ленты резали,
аполитичный, не чечевичный,
Вы — очевидец новой поэзии!

Когда нас душат новые циники,
наследнички, нынешние ЦК,
мы посылаем их на Хуциева!
Пока работаем на века!

Марлен Мартынович, надежда малая
была когда-то, сейчас — не то.
Время — как рана с присохшей марлею
от Мэрилин к Марлон Брандо.

Марлен, Вы в инее, как Папа Карло.
Пой с Бобом Марли у красных стен,
когда ландшафтники Вашей марлей
Кремль запаковывают, Марлен.

В губерниях скука и троекуровщина.
Нет Маркса, Ленина, но есть Марлен!
Я бы назвал Вас — Марлен Триумфович.
Вы — марли времени феномен.

гениальная ошибка :

ВЕСЁЛЕНЬКИЕ СТРОЧКИ

И потом Тебя не будет.
Не со мной. А вообще.
Никто больше не осудит
мой воротничок в борще.

Прекратится белый холмик —
мой и твой ориентир.
Превратится в страшный холод
жизнь, что нам я посвятил.

Оказалось, что на деле
всё ушло на пустяки.
Мы с Тобою не успели
главного произнести.

Превратится в дырку бублик,
всё иное не стерпя.
А потом меня не будет.
Без меня. И без Тебя.

Но внезапно трещина
взвилась молниеносно —
резкий профиль женщины,
локон кровеносный
молодой художницы,
всех пославшей на фиг,
основоположницы
коронарной графики.

За Тебя бы финишно
жизнь сгноить на нарах!
Ты — моя графинюшка
коронарная.

*Коронарная графика началась с Коро.
Когда вёты и сердолики затрепетали на его
холстах, будто сентябрьское утро.
Так же заикался К-коровин.*

*Салоны нонсенса.
Биеннале сердцебиения.*

Приставы и мистики,
потусуйте в трафике.
Посетите выставку
коронарной графики».
Голос сказал мне: «Осталось 30 минут!»
Я шёл по голосу крови.
По горячему Красному морю, как по Мёртвому,
не проваливаясь.
Соль стирала следы прошедших.
Капелька грузинской крови щекотала в пятке.
«Я голос крови!» — кричал победивший Белый.
(Его звали Мышкин.)
«Яго...» — возражал пожираемый Красный.

*Китайцы делают так же,
но прижимают к рисовой бумаге сердца врагов.
Художник рисует сердцем.*

*Прикрываться листиком
зябко — мы не в Африке.
Моё сердце — выставка
коронарной графики.*

*Имеем ли мы право на коронарную графику?
Подглядывать за процессами,
не адресованными нам?
Каждый имеет в сердце непонятый шедевр,
но не каждый выставляет его
на глумление публики.
С нашим автором — другое дело:
он наркоман публичности и откровенности.*

*Голос напомнил:
«Осталось 30 минут!»
Мы плыли с Тобой брассом по трассе,
разряженной аспирином.
Когда я захлёбывался, Ты помогала мне.
Рядом плыл Красно-белый,
полосатый, как гусеница.
Его звали Шаромышкин.
Он кусался, безобразничал.*

*Сердце затягивало,
оно рычало рядом.
Сердечность затягивала.
Сердце чавкало.
Было оно дыряво.
Как демон в рейсе чартерном,*

гудят Дарьялы.
Море шлёпало мокрое.
Приглашение к Фрейду.
Мокрые губы чмокали
оглашенную флейту.

Музыка налегает. Мочит.
И губы морщит.
Вселился в меня нелегалом
новый Моцарт.

Вел меня путь мигающий
меж гематом кромешных.
Внутренняя эмиграция
тяжелей, чем внешняя...

Сменим ударение.
Коронарография.
Сразу в удаление пойдёт Россия.

Пляшет хали-гали
метель сквозь кальку.
Видно, олигархи
мороз накаркали!

Полотенцем вафельным
грязная дорога.
Доконало рывканье.
На Канарах мафия.
Бреют щёки граблями.
Похороны Бога.

Живем трупно. Корчимся.
Кто виновен? ФИО?

**Выразиться хочется,
как Киркоров Филя.**

**Вас бы в удобрение,
бюрократы, в силос.**

**Сменим ударенье —
пойдёт Россия.**

*«Осталось 10 минут», — сказал голос.
Чавканье приближалось.
Не помню как, но я убил в себе Шаромышкина.
Пахло йодом. Я потерял сознание.*

Коронарные граффити

Слоганы в граните:

Роняет лес свой золотой багрец.

<p>БОРЬБА ЗА МИР (PEACE) + ЭЛЕКТРИФИКАЦИЯ = ПистЭЦ</p>
---

*Голос сказал, что сеанс закончен
и выставка закрылась.
Дальше он перешёл на онучи.
Я очнулся.*

**До свиданья, выставка
коронарной графики!
Возвращаюсь к выстрелам
подмосковной мафии.**

Люди коронарной графики
заопят: «Какая линия!»
Мы с Тобой бессмертные. Пока.

Пока в небе агнец,
как дымок от «Шипки»,
главное в диагнозе —
право на ошибку.

Право на ошибку
было у Сусанина.
Чту романс «Калитку»,
а не Гимн сусальный.

Нищему за скрипку
расплатитесь мерсом.
Право на ошибку —
это правда сердца.

Верую в Твой модуль,
сменив обшивку,
мой перпетуум-мобиле —
вечная ошибка.

Живите колокольно,
грешно и сердечно!
Как тот алкоголик,
что мастерит скворечни.

По логике, в геенну
несёмся шибко.
Спасёт нас офигенная
чья-нибудь ошибка.

Вертолёт пьёт небо
зубом графа Дракулы.
Без ошибки б не было
коронарной графики.

Без кривой улыбочки
санитара Алена.

*Жизнь моя — ошибочка
гениальная.*

ГУЛЯЮ В ОФШОРАХ

Гуляю в офшорах.
Оффшорты. Оффшорох
шарахнувшейся Москвы.
Оффшобла, оффшёл, оффвы.

Обшарпанного шарпея
с раздутыми горшочками щёк.
Оффшок.
Оффжопа. Оффшуба.

Астероид для обзора.
Оффшёлковый шёпот халата.
Оффспоры. Оффссоры.
ОффСорос. Оффсовесть.

Оффты. Офф-шоры
слепых лошадей.
Не сыновья Ерёмы.

Оффшоры водяры
слепой похоронной
конторы
«Смирнофф».
И мир пролетит
километров
под сорок.

Я — Офф.

ПРЕМЬЕРА

Крик прорезал великолепие
смятых ужасов. Се ля ви.
Чехов умер от эпилепсии
на премьере фильма «Свой».

Умер парень с фамилией Чехов:
Фильм — от ужасов жизни суд.
Не до смехов. Не до успехов.
Люди в саване тело несут.

Ключья пены эпилептической.
«Скорая» торопится, но без раболепия,
полицая в пузо эллиптическое
тычет ножиком эпилепсия.

Вы скажите, актер Евланов,
гениально сыграв простоту,
почему страшной всех экранов
смерть глядит в четвертом ряду?

Кем он был? Ничего достоверного.
На фасаде лестница, как порез.
В день рождения Достоевского
вдруг прозреем через болезнь?

Он пришёл без друга, без женщины.
В небеса, как дуга троллейбуса.
Из процентщины, из прожженщины
Вырывается эпилепсия!

Я стою, представитель плебса,
мну фуражечку очумело.
Продолжается эпилепсия.
Это ещё премьеры.

РОЗИВЕЛЕТ

Товарищ мой проклятых лет,
розивелет, розивелет.

Автопортрет? Поёт страна:
«Ви роза, бель Татяна!»

Над озером собор — валет.
Отообрази, розивелет.

Переключишь розивелет —
в правительстве переворот.

Коррупционный кабинет.
Экран — как рубчиком вельвет,
ты заболел, розивелет?

Как северянинская сказка.
Разведсекретный ландолет
Иль инвалидная коляска!
Нас всех везёт розивелет.

Когда Тебя со мною нет,
в меня залазит интернет.

Провизии к обеду нет —
зову тебя, розивелет.

Первый Чайковского концерт.
Оставим суету сует.
Б. Г. приходит на обед,
и Розенбаум — на десерт.

Срази меня, розивелет.
Сожри меня, как винегрет.

Цой с Анжеликою Варум
отсасывают вакуум.

Со звёздной фабрики народ
сожрёт меня наоборот.

«Прощайте! Выхожу из клуба
и ненависти, и любви.
Сквозь окровавленные губы,
недопитые твои».

Меня сожравшему — привет.
Да здравствует розивелет!

Я ДРУГОМУ ВИНОЙ

С крыши капает время,
оплывая, как воск.
Комсомольская Эмма.
Молчаливый Свердловск.

Все вертается заново.
Я неважный теург.
Эмма стала Рязановой.
Свердловск — Екатеринбург.

Я другому виной.
Говорят, что обком,
спровоцирован мной,
снёс Ипатьевский дом.

Я опять не влюблюсь.
Вместо взорванных ям,
как подколотый бюст,
новый высится храм.

Ты слезами закапана.
Детский слышится крик —
августейший здесь капор
насадили на штык.

Скейтинг-рингом летит
катерининский яр.
Тихой свечкой горит
стеариновый царь.

Продолжают паломники
стеариновый бум.
Мы с тобою помолимся
за Екатеринбург.

МУЖЧИНА И ЗЕРКАЛО

1

Где охранники?!
Крыша съехала?..
Молодой мужик в ресторане
разбил зеркало.

Почему он в кровоподтёках,
точно в буром гофре-плиссе?
И сияют осколки стёкол,
точно радуга на лице.

Мы в руках его держим цепко,
оттягиваем, как рогатку.
Отпускаем. Он вновь летит в зеркало.
Вот загадка.

Может, тяжело в его дому?
Он развёлся. Бить стало некого.
Почему
он разбил зеркало?

Почему от земного вращения,
как на дне рожденья, блюём?
Почему к себе в отвращении
в отраженье своё плюём?

Почему он подался в спекули?
Добрый пекарем быть рождён.
Почему мы глядимся в зеркало,
а оттуда — Наполеон,

сбив пыль с сюртука, вылезает?
Слоёный. И кремом залит.

2

А за ним — человекоподобные батоны,
халы, плетёные, как косы,
печёные пичуги — почемучные изделия...
Человекообразные образины.

Человекоподобные объясняли.
Обезьяноподобные обожжали.
Бесподобные обожали.
Преподобные — без изъяна...
Ничегоподобные облизали...

Говорил же мне Ионеско,
что придёт Годо — год «О»,
Год Обезьяны.

Бог отвернулся. Абы занят.
На земле пошёл зоосад.
Кто-то нашу жизнь обезьянит,
вставив в зеркало красный зад.

И летят обезьяны с мигалками —
смаксмаксмаксмакс.
Нас с трудом обезьянит Галкин
Максмаксмаксмакс.

Почему меня панируют —
смех макакам.
Ставят в печь. В глазурь полируют
фиг с маком!

Но внезапно адепт пекарни
и невольник частного сектора
получает удар зеркальный —
бьёт зеркало!

Почему лицо облезает,
вышибая из глаз молекулы?
Бей, ответная обезьяна,
бей зеркало!

Бей, двойник мой первопричинный,
бей зеркало,
панированного мужчину
с вытарашенными зенками.

ОБСЪЕЛИ. Страшен оскал.
Мы — кал небесных зеркал.
Почему зерколажи мутные?
Почем детские почемульки?
Почему жужжат в моем ухе
почемухи?

3

Почему у нас нет просто пекаря?
Куда ж делся он — вот вопрос.
Почему нам не виден в зеркале
человекоподобный Христос?

Я в ответ Тебе промывчу,
как Суворов, прокукарекаю,
промолчу — почему, почему
я не разбил зеркало.

ДОМ ОТДЫХА

Озеро отдыха возле Орехова.
Шахматно воткнуты в водную гладь
белые бюсты — кто только приехал,
бюсты из бронзы — кому уезжать.

Быть отдыхающим — это профессия.
Рядом летают тарелки борща.
Сушатся трусики фильдеперсовые —
всё сообща.

Утром журфиксы. Журчанье Вивальди.
А за стеной
слышно, как писает в умывальник
трижды герой.

В небо свинцовое запускаются
детям шары,
будто качают вишнёвые яйца
в небе слоны.

Не рокируется. Не киряется.
Скорби бабуль.
Ты — золотая, словно кираса.
Скоро — буль-буль...

ОТВЕТ НА ЗАПИСКУ В ОДЕССЕ

Срамота чиновничья
маета Мавродина.
Мой ответ сыновний:
«Моя не та родина».

С мышками полёвками
в куцем огороδικе —
ты мой край заплёванный!
Это моя родина.

Деприватизация
кулаков по-старому.
Общею плевательницей
душа твоя стала.

Не поможет Зыкина,
если совесть вынута.
Мать русскоязычная,
мы с тобою — сироты.

И не надо очи
увлажнять за ужином.
Гоголя плевочки
нынче — как жемчужины.

И плывёт над родиной
тучи край потухший —
будто кислородная
серая подушка.

Что тебе эпоха,
века запах тленный,

рядом с этим вдохом
с клеверным
вкраплением?!

Богом окроплённая,
вместе с нищим Родченко,
хамами оплёванная —
это моя родина.

Орденскими планками
мимо поезда.
Чувство благодатное —
родина одна.

Страны. Жизнь. Закаты.
Орды. Времена.
Благодать за кадром —
родина одна.

Обожаю родины
синеву распахнутую!
«Жигулёк» — как родинка
над холмом распаханным.

***

Слава павшим!
Над чащею
птичья стая плывёт,
как распавшийся на части
сверхзвуковой самолёт.

Не хватает гробовщиков.
За поэтом поэт повис.
Как бородка у Гребенщикова,
Цезарь выбросит
палец
вниз.

***

Люблю неслышный почтальона,
вечерним солнцем полный напослед,
прозрачный, словно ломтики лимона,
пронзительный велосипед.

***

Сад осенний как Кустодиев.
Легли наземь листопады.
В акустических пустотах
придвигаются фасады.

Всюду сдвинутые гаечки.
Рядышком бывлые дни.
Юность, детство придвигается,
мама, Бог её храни!

Ни фи́га себе навигация.
Всюду тронулись суда.
Приближаясь, придвигаются —
Только не понять куда!

ИВАН-ЦАРЕВИЧ

Нагни позвоночник ликующий.
Когда, безоглядно и древне,
Тебя волшебной лягушкой
начну превращать в царевну.

Ю. Д.

Юрий Владимирович Давыдов.
Смущал он, получив «Триумф»,
блатною шапочкой ликвидов
наполеоновский трюх.

Бывалый ээк, свистя Вертинского,
знал, что прогресс реакционен.
За пазухою с четвертинкою
был празднично эрексционен.

На сердце ссадины найдут его.
Стыдил он критика надутого:
мол, муж большого прилежания
и ма-алого дарования.

Бледнели брежневы и суловы,
когда, загадочней хасидов,
за правду сексуальным сусликом
под свист выскакивал Давыдов.

Не залезал он в телеящички.
Мне нашу жизнь собой являл.
И клинышек его тельняшки
звенел, как клавиша цимбал.

Вне своры был, с билетом волчьим.
Он верил в жизни торжество.
Жизнь поступила с ним, как сволочь,
когда покинула его.

СЮЖЕТ

Другой, в Париже охеревший,
подстриженный а-ля Керенский,
напомнил слоган Спиваковых:
«Не спи в оковах!»

ДИРИЖЁРКА

Деклассированные вурдалаки
уподобились комарю.
Ты мне снишься во фраке,
дирижируешь жизнь мою!

Я чувствую переносицей
взгляд напряжённый твой.
Ко мне лицом повернёшься,
ко всем — другой стороной.

Волнуется смятый бархат.
Обёрнутое ко мне,
твоё дыхание пахнет
молодым каберне.

Музыкально-зеркальная зомби,
ты стоишь ко мне — боже мой! —
обернувшаяся лицом ты! —
а ко всем — другой стороной...

И какой-то восторженный трепет
говорит тебе: «Распахнись!»
Возникающий ветер треплет
взмахи крохотные ресниц.

Когда же лапы и ручки
рукоплещут, как столб водяной,
ко мне повернёшься лучшей,
главной своей стороной!

И красные ушки в патлах
просвечивают, красны.

И, как фартук, болтаются фалды
как продолжение спины.

Те фалды, как скрытые крылья
у узниц страшной страны, —
как будто кузнечики Крыма,
что в чёрное облачены.

За тобою лиц анфилады
и беснующийся балкон.
Напрягаются обе фалды,
изгибающиеся в поклон.

И под фалдами треугольничек
проступает эмблемой «треф».
Так бывает у горничных,
реже — у королев.

ВИРТУАЛЬНОЕ ВРУЧЕНИЕ

1

Я вручаю Пастернаковскую премию
мёртвому собрату своему,
Бог нас ввёл в одно стихотворение,
женщину любили мы — одну.

Пришло время говорить о Фельтринелли.
Против Партии пошёл мой побратим.
Люди от инстинкта офигели,
совесть к Фигнер послана фельдъегерем,
может, террор имитировал интим?

Как спагетти, уплетал он телеграммы,
его профиль к Джакометти ревновал,
я обложку книги сопа апо
с именем Джакомо рифмовал.

В нём жила угрюмая отвага:
быть влюблённым в Пастернака, злить печать,
на свободу выпустить «Живаго»
и в дублёнки женщин наряжать!

Я вручаю Фельтринелли-сыну
золотой отцовский реквизит,
как когда-то ему, мальчику, посылным,
Дилана автограф привозил.

Что бы мы, убогие, имели,
если б Фельтринелли не помог?!
По спинному мозгу Фельтринелли
дьявола шёл с Богом диалог...

Усмехаясь, ус бикфордовый змеился,
шёл сомнамбулический роман...
Было явное самоубийство,
когда шёл взрывать опору под Милан!

Женщина, что нас объединяла,
режиссировала размах.
Точно астероид идеала
в нас присутствовал Пастернак.

Как поэт с чудовищною мукой,
никакой не красный бригадир,
он мою протянутую руку
каменной десницей прихватил.

Он стоит, вдев фонари, как заправки,
олигарх, поэт, бойскаут, шалолай.
Говорю ему: «Прости, Джан Джакомо!»
Умоляю: «Только не прощай!»

Разоржаться мировой жеребщине,
не поняв понятие «апельсин»!
Тайный смысл апассионатной женщины,
тая, отлетит необъясним...

На майдане апельсины опреснили,
нынче цвет оранжевый в ходу.
Апельсины, апельсины, апельсины
меня встретят головешками в аду.

Жизнь прошла. Но светятся из мрака,
в честь неё зажжённые в ночи,
общим пламенем на знаке Пастернака
две — мужских — горящие свечи.

***

Жемчуг бёклинский светит блёкло,
облевался сирени куст.
Моя Нобелевка — Рублёвка.
На лямках висит Иисус.

Ищет лики на небесах.
Матерится, забыв про стыд.
Христос, прикинувшийся ремонтником,
никогда меня не простит.

КРАСИВАЯ СТОМАТОЛОГ

Сто моторов оглашают беспредельщину.
Сто мужланов подают тебе манто.
Стоматологическая женщина,
вечно делаешь логически не то!

Стоматолог хуже, чем проктолог:
видеть зубы, поражённые гнильём,
и пикантным словарём, без протокола,
рассказать про человеческий гильом.

Общество опасное, когда жопастое.
— Чем заклинивалась из идей?
— Мечтаю о клинике, о своей!

Но однажды, сполоснув клиента «зельтерской»,
ты увидишь, как на доньшке, дыша,
точно бабочка, вспорхнёт над круглым зеркальцем
ослепительная Божия Душа.

«Оботри мне благодарственные слёзы,
чтобы видеть это чудо наяву!
Я готова все вдохнуть пародонтозы
и от счастья задохнуться, что живу!»

Стоматологическое зеркальце
и аналогичная душа.
Ты, астрологическая женщина,
вместо логики поэзию нашла.

Дочка репрессированных смолodu,
чем Шанхай тебя прищуренный привлёк?
Господи, прости ей стоматологу —
мотыльковый ветерковый матерок.

ТРЕТЬЯ РУКА

Поэма

1

Моя левая и правая
аплодируют пока,
в то же время врежет правду
третья моя рука.

Есть пространственное время:
мир — не сказочка Прево!
Из двух лучших направлений
только третье — право.

Где таится третья вера?
В жесте праведном мужском.
Так безрукая Венера
взмост белым кулаком.

Как Тебя я создал поздно
из души, как из ребра!
Только вздрагивают ноздри,
чуя признак серебра.

Твоя мука — исцеление,
и евангелист Лука
слушал Твой трезвон серебряный,
сюрреальная рука.

2

Вид духовного артроза:
нас, рождая на века,

изнуряющим отростком
мучит третья рука.

Царь молился. Ус покручивал.
Ах, Ипатьевская мать!
Неужели Троеручица
разучилась помогать?!

В простоте твоей арийской
с электрической искрой
узнаю твои персты:
первая сюрреалистка — это Ты!

У Плисецкой — термоядерно —
вкось поехало лицо:
видела у Темирканова
его третье яйцо!

Многоручица Плисецкая,
умирает Лебедь, вдруг,
в нём живёт полиселекция
выбрать лучшую из рук.

Обрывается предсердие
от батманов и поэм.
Продолжается Плисецкая:
Гений побеждает Врем!

Зря исследователь шарит,
у мозгов — плачевный вид.
Моё третье полушарие
звёздным куполом горит.

Я опровергаю разум,
инстинктивно, как лубок.
Третьим глазом, третьим глазом
зорко жмурится пупок!

Кошки гибнут на пожаре.
Троекуровские трюки.
К Интернету нас позвали
третьи руки, третьи руки.

Дьявол крестит одноразово,
осенивши лоб лобком.
Третьим глазом, третьим глазом —
зорко лыбится пупком.

Сексапилящие дивы
из киношных делегаций,
как трёхногие штативы,
шевелиются, шевелятся!

Вождь: рука на телефоне.
Но из кости лобовой —
вылез рог Левиафана
указующей рукой!

Жёстко и целенаправленно
к нашим дням обращены
руки Ленина и Сталина —
жесты тонущей страны.

И в богатстве, и в разрухе —
от разлуки не уйти.
Третьи руки, третьи руки
ищут новые пути.

И какую форму примут
новые волхвов дары
и беременный периметр
Вифлеемовой горы?

Твой оклад содрали церберы.
И под пляшущий прицел
за рубеж твой звон серебряный
вывез белый офицер.

И под ржанье комиссара
на рулетковом кону
третья рука спасала
мою жертвенную само-
убиенную страну.

3

Что мы знаем о Белграде?
Центр белогвардейщины?
Стань собою, Бога ради,
триединство женщины!

Сребросербская терцина,
жизнь в себе сосредоточь!
Овладей Отцом и Сыном
Силой духа, Мать и Дочь!

Без рекламы, без огласки,
в наши роковые дни
женщиною сероглазой
многоруко обними!

Если небеса шокируя,
я сваляю дурака,
возвратит меня за шкурку
к Тебе *третья* рука.

Что случится? Что порушится?!
Вытру сердце о траву...
Богоматерь-троеручица,
я Тебя боготворю!

ХОББИ

Неабстрактный скульптор,
беспорный Поллок,
собираю скальпы
мыслящих бейсболок.

Мысли несовковые,
от которых падаю,
и гребут совковой
с козырьком лопатую.

Проступают мысли
вверх ногами скорби.
Это моя миссия,
это моё хобби.

Нету преступления —
в мыслях, но — ей-богу (!),
хорошо бы от Ленина
найти бейсболку!

ЕЗДРА В НЕЗНАЕМОЕ

Российская поэзия — метафора христианства.

Русский поэт как бы всё время пишет свой «Новый завет». Есть Евангелие от Блока, от Пастернака, от Маяковского, от Гумилёва. Непонятный текст, невнятный, зашифрованный? Так были непонятны полуграмотным рыбакам тексты Христа. Возьмём другую четвёрку. Святые тексты: Мандельштама, Есенина, Цветаевой, Хлебникова. Нет Завета — нет поэта. Это относится и к современникам: БГ, Башлачёв, Шнур. Неслучайно сибирский поэт Ренат Солнцев назвал свою книгу «Серебряный шнур». Поэты: Ахмадулина, Чухонцев, Сапгир, Губанов. Независимо от того, сколько напечатано. Главное, что вокруг их стихов есть духовная аура.

XX век даже внешне схож с двумя крестами святого Андрея.

Что же с XXI веком? Хихикающим иронично... Добавится ли к нему вертикаль муэдзина или колокольня?

Свою поэму о Богоматери-троеручице я написал в небе над Сербией. Это о наших женщинах. Не Троеручица ли Майя Плисецкая? Она ввела руки в балет. Как плещутся и трепещут десяток рук над бессмертно умирающим лебедем! Ах, с какой печалью корила она безъяичных наших дирижёров... Исключение делала лишь для Темирканова.

В безъяичный термоядерный
век Плисецкая, ярча,
видела у Темирканова
три разгневанных яйца.

Осеняемый трёхперстием
ото лба и до лобка,
нас пронзает взгляд трепещущий
ока третьего, пупка.

XXI век — СТИХХI. Этим, надеюсь, он и останется. Вы держите книгу с названием «СТИХХI». Это стихи, написанные мною и опубликован-

ные в этом столетии. И только одно из них написано в прошлом веке и впервые опубликовано в этом.

Простите за ненормативную лексику. Сейчас время ненормативное.

«Поэзия — вся! — езда в неизвестное». Этот слоган прошлого века оставил нам Маяковский. А кто предтеча?

Мы не знаем, кто написал третью книгу Ездры, самую волнующую из неканонических и апокрифических книг Библии. Сейчас доказано, что это не был сам Ездра, вождь иудеев, ослеплённый супостатом. Мы можем только почувствовать, что это был поэт. Великий ортодоксальный еретик I века нашей эры. Равный по силе тому, кто через двадцать веков напишет про себя: «Я одинок, как последний глаз идущего к слепым человека». Он скрывался под псевдонимом «Ездра». Поэт с фамилией, как Змей Марокканский.

Шлагбаума зебра взвилась Маккавейская!
Да здоровствует Ездра — двойник Маяковского!

Конечно, другое время было, другая вера. Но именно текстами Ездры, этого Маяковского I века зачитывались: Тертуллиан, знаток парадоксов, и митрополит Филарет, и Амвросий Медиоланский, и Евсевий Кесарийский, и киприоты.

Амвросий писал: «Говорящий мнимый Ездра был, несомненно, выше всех философов». Именно он, ортодоксальный хулиган, смог увидеть сквозь исторический туман черты римских и сирийских орлов. От его художнической, восхищённой ненависти к орлу рождаются апокалипсические клипы. Вроде тех, которые были у Довженко, у Романа Полански. Его прямо-таки тянуло к орлу, и он сказал, отшатнувшись: «Это — антихрист».

«11

1 И видел я сон, и вот, поднялся с моря орел, у которого было двенадцать крыльев пернатых и три головы.

6 И видел я, что все поднебесное было покорно ему, и никто не сопротивлялся ему, ни одна из тварей, существующих на земле.

10 Видел я, что голос его исходил не из голов его, но из середины тела его.

45 Поэтому исчезни ты, орел, со страшными крыльями твоими, с гнусными перьями твоими, со злыми головами твоими, с жестокими когтями твоими и со всем негодным телом твоим,

46 чтобы отдохнула вся земля, и освободилась от твоего насилия, и надеялась на суд и милосердие своего Создателя.

12

3 И я видел, и вот они исчезли, и все тело орла сгорало, и ужаснулась земля, и я от тревоги, исступления ума и от великого страха пробудился и сказал духу моему:

15 Второй из них начнет царствовать и удержит власть более продолжительное время, нежели прочие двенадцать.

16 Таково значение двенадцати крыльев, виденных тобою.

31 Лев, которого ты видел поднявшимся из леса и рыкающим, говорящим к орлу и обличающим его в неправдах его всеми словами его, которые ты слышал,

36 Ты один был достоин знать эту тайну Всевышнего.

.....

Вчера мы на зурбовском застолье разговорились с Андреем Битовым. Беседовали об орлах. Отламывая сочную ножку цыплага, мэтр спросил меня: «Андрей, “Орёл табака”, это, наверно, было у тебя?!» И насмешливо сверкнул хищным взглядом. Я, по правде говоря, не помнил, что полгода назад в «Комсомолке» напечатал строки: «Орлы, орды, жарь орлёнка табака на гриле». Теперь это аукнулось в новой прозе Андрея Битова. «Над дверями кабака он похож на табака». Двухголовая идея родилась в головах двух Андреев. Так, наверно, у Маркони и Попова одновременно сверкнула идея создать радио. На сером лацкане Битова мелькнула двухголовая миниатюрная сплюснутая хищная птичка Академии художеств.

Поэта обычно не понимают политики.

Поэта тираны не понимают.
Когда понимают, тогда убивают.

Поэты всю жизнь мучаются непониманием.

Так, одни, до сих пор не поняв, считают кощунством мою фразу о «плавках Бога». Другие ставили меня в ранг «хулигана», третьи чтити «певцом новейших технологий». Четвёртые уже сейчас, после присуждения мне христианской премии в Белграде, обзывают меня «православным конструктивистом». А почему бы и нет?

Например, когда я написал строки:

Завидую тебе, Орёл Двуглавый,
ты можешь сам с собой поговорить!

— меня восприняли как политического сторонника возвращения герба России. Я мог опубликовать эти строки только подпольно в альманахе «Метрополь». Безусловно, ностальгия присутствовала, но есть символ, которому поклонялись.

Вряд ли большевики были поклонниками Ездры. Сталин, по-орлиному зорко оглядывающий пространство, безусловно, знал книгу Ездры. В духовной семинарии он изучал её. Кроме того, он явно считал земную власть не происходящей от Христа. Повторяю, Сталин знал, что всякая земная деспотичная власть — антихристианская.

Эсхатологическая схема древнерусской литературы: «Вавилонское разорится Перским. Перское же Македонским. Македонский же Римским антихристом. Римское же антихристом. Антихристово же Господом нашим Иисусом Христом. Аминь».

У двуглавого орла три короны. Две головы — маленькие, а третья, над пустошью между ними — большая. Далее, орёл становится двухголовым. Третья голова внезапно исчезла. Власть двухголового орла-ан-

тихриста заканчивается. Деяния орла жестоки, но бескорыстны. Христос посрамляет антихриста.

Лежат под стеклом золотые обломки,
запечатано пломбой, что было орлом.
Проносились с блондинками Блоки,
или — Набоковы.
Молодые апломбы лежат под стеклом.

Ах, орёл табака, ты в каббальном мире посуровел...
И сирень облевала себя на углу.
Ореольный орёл на глазах превращается в Оруэлл.
Страшно гулкое «У».

На днях я был в Историческом музее. Подвижники нашей исторической науки, директор музея Александр Иванович Курков и пленительная Тамара Георгиевна, зам по творческой работе, рассказали мне сагу о московских орлах.

В XVII веке к Спасским воротам был перекинут мост, на котором шла оживлённая торговля. В десятых годах XVII века изображения двуглавых орлов были на шатрах главных башен Кремля. Позже подобные орлы-гербы расположились на самых высоких башнях: Никольской, Троицкой и Богородицкой. Иван III ввёл римского орла в государственный герб России как наследника Третьего Рима, не утруждая себя знакомством с Ездрой. Таким образом, всё логично катилось до 1935 года, когда большевики заменили орлов звёздами. В 35-м, как рассказал директор, птицы, бронзовые с золотом, были сняты с кремлёвских башен и переплавлены. Говорят, не осталось ничего. Но уже в новое время были заказаны в Венгрии четыре выпуклых копии золотых орлов. Чтобы посмотреть на них, мы поднимались в специальном лифте. Вошли в читальный зал, заботливо отреставрированный, и, поднявшись по ступенькам, оказались на орлином уровне. Их гордый вид и красота восхищают. Они от ветра колеблются и поворачиваются ровно в профиль к нам.

Я сделал несколько видеом орлов. Естественно, расположил на крыльях стихи. Родился новый жанр стихотворений-перьев. Строчек, которые соприкасаются по две-три в абсолютной независимости от остального мира.

Стихи представляют кошунственный сленг, бытовуху, в которой должны были жить исторические птицы. Ирония, насмешка по соседству с ностальгией масштабного орлиного обзора. Хочу, чтобы история стала прозрачной.

Что стало с нашими державными птицами после того, как они провисели два с половиной века в российском небе? То же, что и с французским ампиром, пересаженным на русскую почву. Они обрусели. То есть стали более человеческими. Вероятно, одряхлели, ослабли, не имели силы противиться новому агрессивному давлению, неоянхристу — воле большевиков.

Я ушёл, как она повелела,
удалился от постов и спичей.
Питался лишь цветами полевыми,
мне трава стала пищей.

А в моём подсознании орала
боль терзаемого орла:
главу левую пожирала
его правая голова.

Сладострастье — мука кровавая
и кривое подобье зеркал.
Будто кто, взявши нож в руку правую,
руку левую разрезал.

И, как будто на нитке справа,
свидетельствует Езра,
пульсировала и свисала
с мясом вырванная ноздря.

Как заляпанный парафином,
лунный город под ними бледнел.
Чем роднее твоя половина,
тем желаннее она и родней.

Почему не придумано средства
против хищных красот?
Почему моё левое сердце
кровоточит меня и сосёт?

Полосатые, как пижама,
плыли перья под смятым плечом,
и плечами душа пожимала,
будто правда здесь ни при чём.

.....

Таким образом, заканчивая публикацию, мне хочется, чтобы читатель сам перечитал книгу Ездры, сам сделал выводы, пережил то же волнение, что автор. Надо мной грозящая птица, глаза у неё — огни. Я не знаю, чего ей надо. Я не юноша Ганимед.

Это странное, страшное видение римско-ассирийской символики, будившее ночью поэтов, выражало время, изображённое визажистами Ивана III, было отягощено боевыми православными крестами и порфирами. Смешно и наивно было бы что-то менять в них — как пририсовывать усы Джоконде.

Другое дело новодел. Сегодняшние мусульманские конфессионалы имеют право возмущаться. Они не могут умирать под православными крестами. Это их право. Но это надо решать административным путём. Это вопросы геральдики. Поэзия же, современница Гумилёва и Ездры, не занимается новоделами. Её интересует сущность образа, а не геральдика.

Теперь о главном.

Мой читатель! Научитесь читать и видеть невидимое.

Перед Вами страничка прозаического набора. Она пронизана пробелами как ландышевое поле или ночная белая сирень, тянущаяся вверх гроздьями. Или как, точнее, длинные стебли конского щавеля среди неорганизованной травы. Почему-то я долго этого не понимал!..

Каждая буква и слово окутаны будто белым свистком паровоза, мчащимся в то самое незнаемое. Эти пробелы есть красота и содержание прозы! Её аура.

КЛАРНЕТ

По полю древней битвы,
где памятник Шкуро,
летит опасной бритвой
орлиное перо.

И мы предполагаем,
что где-то вознесён
орёл за облаками,
и белоснежный он.

Чтоб наш талант не скурвился,
во Владике Монро
светает белокурое
мэрлиное перо.

Пусть дробит государство,
гоняется за ним...
Прицельный дротик дартса,
увы, неуловим!

Поэзия есть тайна
древней Политбюро.
Летает нелетально
транзитное перо.

Арина Родионовна,
платок повязан «Першингом»,
чтоб беды милой Родины
казались лёгким пёрышком.

Серебряной расчёской
летело НЛО,
но времени причёска
исходит от него.

Пьеро, в церкви не пукнувший,
увидит над метро
незримо в ручке пушкинской
дрожащее перо.

Холмы наши и овны
поэтому легки,
как будто нарисованы
поэтом от руки.

КАТЁРКА

Катер, скатертью дорожка!
За кормой электротёрка,
апельсиновые корки
и серебряные ложки.

Катеркатеркатер — тёрка.
Вложь в теорию средства.
Все картёжные шестёрки
группируются в сердца.

По воде, как зубья тёрки,
мелкий дождик моросит.
Ты в джинсовой гимнастёрке,
я — колючий, я — небрит.

Оборотная поэзия:
вместо телека — скелет.
С приступом морской болезни
ты двоишься, как валет.

От тебя остались шорты
между кармой и помой,
в шапочке, подобьем торта,
выплываешь за кормой.

Карты, картинги, кретины.
Не понятен океан.
Тёзка катера «Катрина»
смыла Новый Орлеан!

Катастрофы, карты, тёрка, —
все в одном котле кипя,
тёлкатёлкатёлкатёлка,
катер имени Тебя!

ЕВА

*Звёзды по небу стучали.
Бьют женщину.*

1

Ева как кувшин этрусский.
Змей, задерживая пыл,
дегустирующей ручкой:
в шею впился и застыл.

Запах лилий и кувшинок,
кольцеобразно в виде спазм,
революционного кувшина
мною овладел соблазн.

2

Наперсница Бога и дьявола,
ты чуточку побледнела,
а вслух про себя добавила:
«Я — Ева».
Как будто сказала: «Я ела».

Оставь усталость и кручину,
«лэ хаим!» лучше, чем «локаут».
Кустодиевские кувшины
у стойки алкоголь лакают.

Ты моя Ева лучшая
из бывших на свете Ев.
Все рево- и эволюции
людские — блеф.

Любовь — это понимание
другого. Понять весь Свет,
послав всех к Евиной маме,
которой на свете нет.

(И сталинскому Поскрёбышеву,
похоже, не угадать.
Меж шпилей шашлык на рёбрышках —
небоскрёб твой, Евина мать!)

Смешны все мои левачества:
и наших, и прежних времён,
когда ты весь мир укачиваешь —
на Еваремонт.

Когда змею обнаружу,
забрызгавши всё вокруг, —
так сильно головка душа
вырывается из твоих рук.

Ошпарившись перегревом,
мысль в сердце произрекла:
«Прародительница Ева,
пращурка праязыка».

Мы лежим в зелёных ваннах,
как горошины в стручках,
и, поняв твоё Евангелие,
звёзды по небу стучат.

ДОМ

Над пряничным крыльцом
стоит среди болтающих
Твой рукотворный дом.

Твой рукотворный дом
не верит в компромиссы.
Пространства за окном —
как вёдра с коромыслом.

Качнутся серебром...
А комнаты — вверх дном!

Тарелками гремишь,
олады сотворя.
Материальна мысль,
особенно — твоя.

Живёшь под звуки «Мурки»,
но, главное, пардон,
что состоит из муки
Твой мукотворный Дом.

«Кошатница», «собачница»,
как хочешь назови.
Великая создательница
Крыши из Любви!

Струйка воды мелкая
проведена с трудом.
Построен не Америкой
Твой рукотворный Дом.

Твой рукотворный Дом.
С обоев смотрит «Мунк».
То задерёшь балкон:
корячится hopeутооп.

ЖАРИМ МИРАЖ

Поэма

Эпилог

Расхвален новодел «качками».
С отливом беж.
Схож с треугольными очками,
лежит «Манеж».

Он новенький, как сак на молнии.
Не видно глаз.
Не видно грешных стен намоленных
сквозь плексиглас.

Спасибо (хоть победа пиррова),
и местные, и зарубеж,
кто воскресил тебя, скопировал,
Манеж!

Не поддержу ни крики «Браво!»,
ни визг невежд...
Ищу сквозь новую оправу
былой Манеж.

Но где-то проплывает тенью
сквозь лет туман
благоговейно (нет, Бовейно),
ждёт дельтаплан.

1

В Москве, заснеженной, игорной,
был зодчий пьян —

Манеж задумал треугольный,
как дельтаплан.
Меж колокольных гениталий
лети, тимпан!
Горя краями, гениальный
плыл дельтаплан.

В стране дрекольев, водки горькой,
«Газелей» вместо BMW
свою тоску по треуголке
привнёс Бове.

А может, зодчий в спинке горничной —
ню без одежд —
в незагорелом треугольничке
узнал Манеж.

И царь, не внявший «цвету расы»,
искусств знаток,
дерьма мешок,
выл Геростратом: «Пидерасы!» —
был первым, кто Манеж поджёт.

2

Манеж подожгли. Гримасничают
огненные языки.
Идёт на глазах кремация
деревянной души Москвы.

Огонь достигает Марса.
Шикарно горим, мужики!
Двое уже мертвы...
Бряцают метопы гремящие.

Смеёмся, чему — не ясно.
Так Анна бы Монс смеялась,
Хоть нет у ней головы.
ВЫБОРЫ. ВЫБОРЫ. ВЫ...

Вычислили геростратчиков.
Россия сошла с ума.
В себе пережгли мы датчики
дерьма.

Манеж подожгли. Похрустывает
метопа над топкой кружал.
Я ещё первокурсником
её чертил, отмывал.

Писал стихи под Хераскова,
был глуп и тощ, как струна.
Метопа твоя кирасовая
воспитывала меня.

Споткнёшься в воздушной яме.
Ну, подожди!..
Манеж подожгли. Не прямо,
так косвенно подожгли.

Кому-то беда случилась,
кому — барыш.
Россия, моя лучина,
зачем так ярко горишь?!

Летят, рубя колонн канаты.
Прорвите сеть,
талантливые дилетанты —
лишь бы лететь!

Все прут, как к Бетанкуру в ощуп,
на дельтаплан.
Там огневеет гений — Осип,
но Мандельштам.
И я, отсиживая попу,
над ватманом, пятнистым, как форель,
лечу, схватившись за метопу.
Farewell?!. Офонарел.

Моя работа курсовая —
Бове в пандан.
Косым фронтоном красовался
я, хулиган,
от Курской плыл до Куросавы
мой дельтаплан.

Я пел «Пожар в Архитектурном».
Я заклеймён
был критикою из ментуры,
как лже-Нерон.

Не обессудь, Осип Иваныч!
Жизнь — новодел.
Куда горящим дельтапланом
ты — отлетел?

Жарим Мираж.
Мы охвачены пеплом и дымом.
Женам Манеж
с утешением письма пошлёт.
Белые с беж
польхают дублёнки ампиром.
Жарим милашку,
влюблённые в Настю Филиппову...
в слове Манеж
проступает «жаме» —
НИКОГДА!

5

Минута страшная молчанья
машин,
деревьев, уцелевших зданий.
И мы, мужчины, промолчим.

Смеркается. Манеж не меркнет.
Края горят,
как указующая стрелка:
«Кто виноват?»

Все показанья по касательной —
фронтон отверг —
горящей стрелкой указательной
он кажет — вверх.

ЖЕРТВЫ 11 СЕНТЯБРЯ

Тело обесценено —

душу не убейте!

Души перепутаны, как спагетти.

Люминисцентный

кабельный репортаж...

Ад. Авиа-Алькаида.

Andrew A. Abate

Vincent P. Abate

Adams Abel (не наш)

Paul Acguaviva

Боже! Ivan Barbossa

От босса четыре розы —

наркоза покров —

спит коленопреклонённая

Colin Ann Barkow /

Shernar Kumer

Умер.

Beverli Buhse —

Умерли все.

Два куба,

набитые душами, висят в подсознании. Покуда
не будет прощенья оттуда.

Христос? Магомед? Иегова? Будда?

Уста и устья.

Присутствие вечного Отсутствия.

Пусто място. Что мне Гекуба?

Что я Гекубе?

Мы — пара —

психологические кубки,
не чокающиеся друг с другом.
Сюда бы Шойгу бы...
На земле, забывшей про Пруста,
присутствие вечного Отсутствия.

Galande Piter Galande
Атанде. Анданте.
Убиенному подайте.

Два пальца
двуперстие веры, которое удалили, —
Дос Пассос, Дали ли? —
российский мертвец безразмерный
со мною молиться пытается
отсутствующими пальцами.
Вверху дирижируют ангелы
отсутствующими фалангами.

Отсутствуют:
Milton Bustillo
Alexandr Ivantsov
Палисад мертвецов.
Их гнев. Их грех.
Их Герман Греф.
Их Жирик, их Рыжик.
Их антимирь. Диффузия.
Их Кантемировская дивизия.
Малый бизнес
Аллен Гинзберг!
У, авиаизверг!
Mortan Sesanne
Мёртвый сезон.

Woren Jagoda Aaron

Мы все умрём.

Лежат, точно спинки от стульев,
Дожидаются дня Судного.
Присутствие вечного отсутствия.
Присутствует то, что отсутствует.

Нету ни Кеннеди, ни Сулова.
Без суетности и сутолоки.
Присутствие вечного отсутствия.
Присутствует то, что отсутствует.

В нас детство присутствует,
тем, что отсутствует.
В нас Бог присутствует,
тем, что отсутствует.

Nadezda умирает последней.
Рейс «Одесса — Эмираты» по средам.

С утра Камасутра. Ванная.
Показывает Останкино.
Абсурдность существования.
Уйдём, чтоб навек остаться.

Народ не только рабсила.
С этого началась
отсутствующая Россия,
присутствующая в нас.

Отсутствуют:
Jacqueline Kennedy Onassis
Клин. Лебеди уносятся.

Vlad Savinkin
Саван скинь.
Ssu-Hui-Win
Hellowin
Jean Kristoff Abdulah
Любовь умерла.
Danny Pessea
Умрём все.

Преступление. Хай-тек.
Отсутствуют 3005 человек.

В хай-теке скрипкой пиликает
в миру интеллигибельном —
последний человек — Игорь
с фамилией гибельной — Зибельман.

ПЛАЧ ПО БРАТКУ

(Ответ Евгению Евтушенко)

А у Межирова был шмалер.
Помнишь? Баба. Барток. Снежок.
Усмехнувшись в предсмертной марле,
ты немного сбледнул, браток.

Мы, поэты, всегда повинны,
поэтические братки...
Небо спело нам половину,
не задев ключевой строки!..

И снежок, точно запах винный,
не выветривается из башки.

Наказуемы высшей мерой,
агрессивно храня успех,
мы, поэты, как агасферы,
видим ужасы дольше всех.

Помнишь, Женя? Ты помнишь, помнишь!
Свет лирических снежных лиц.
И кепарь твой раскраски пончо
звал на помощь всех фельдшерлиц!

Мы в различных теперь академиях,
разный шьют на нас компромат:
«Этот ходит хромой, как демон,
тот башкой чуток захромал».

Утомляемы пасторалью,
люди радуются опять:

«Если Божий дар потеряли,
значит, было, что потерять!»

Нам останутся не экраны
и не выходы за флажки,
только плач над башкой братана,
больше нету её, башки...

ВРЕМЯ СКОРБИ

Понтифик.
Войтыла.
Мы встретились с ним по-тихому.
Этого нам хватило.

Пах Папа фантичным лупинусом.
И в сердце моём батарейки
сели. (Спросил по глупости:
«Вы верите ли в тарелки?»)

Он был когда-то поэтом,
и сам не осознавал,
сутулым зайчиком света
по экранам людским пробежал.

И трепетно, и бессонно
в ночах земных эстакад,
как тремоло Паркинсона,
дребезжал в вагоне стакан...

Опущены в воду деревья,
дрожат, точно белая бровь.
Последним он был, кто верил —
единственное — в любовь.

Я знаю, найдутся противники,
но с целью божьих натур
дрожащие пальцы понтифика
играли великий ноктюрн!

Как там он без Буша, без Горби,
без долбаной нашей долби,
без телечёртика в колбе, —
всех скопом?!.

Лежит он, белый понтифик.
Ни фиги себе! Без специфик!..
Не Понтий Пилат. Понтифик.
Тих, как Ocean Pacific...

С лицом, как фантик, — Понтифик.
В стрижке польской «под скобку».

Время скорби...

КОЛЯСКА РЕЯ БРЭДБЕРИ

1

Дюралевая бледная
дурашливость лица.
К нам выкатился Брэдбери
русалкой колеса.

Нас руки-ноги предали.
С улыбкой «чао-чао»
катился бедный Брэдбери
улиткой wheel chair.

Мозги присохли к устричному чреву.
Венера безрука, но есть руки Че.
Ах, wheel chair!
Ах, wheel chair!

Сигара в уличной толчее.

Закурим от червы.

Нет коллапсу.
Ах, уил чер!
Катись, коляска!

2

Как хорошо в коляске
по улице катить,
винтами сладко лязгая,
не дрыгать, не ходить!

Нажраться и рычать,
нажавши на рычаг!

Всё на собачьем уровне.
Или — волчица села.
Нестись в жестяной урне!
Мы — люди wheel chair!

Все наши жёны — трассы,
когда с коляской страшной
залазим на кровать.
Их души вверх тормашками
начнём колесовать...

Общественность вручала
ему призы. А он —
башню 3-го Интернационала
вернул в себя, как в патрон.

Чехов — wheel chair.
Выставляет риск.
Уличные черри —
лучшая из рикш!

Как самому
сделать себя
wheel chair

Вьните вену из левой руки, намотайте её на правый локоть, как матросы или пожарные. И вот колесо готово. Главное — сохранять напор при помощи груши. И вертикальность. Потому что колёса всё норовят мчаться горизонтально, как праща. Жизнь больничная плачевна.

Кто с осанкой седока
катит олух wheel chair,
ниже всех, но свысока?

Гимн мощнеет на распевах,
я же ни в одном глазу,
президент и королева,
поднялись, а я — сижу.

Кто очищенной редиской
мчится, будто унитаз,
шины автоматным диском
вжал в себя, вооружась.
Пиф-паф! Мотай, колясочка,
как автомат Калашникова!

Однажды, помнится, в Небраске
я в алюминиевой коляске
катился, наглый и тупой,
перед завистливой толпой.
Дав чаевые рикше бледному,
ногой безжизненной махал.
Но я не достигаю Брэдбери,
который покоряет зал.
Абсурдный Ассурбанипал,
он, Брэдбери, он всех имел.

Какое время вредное.
Мы все — герои Брэдбери...
Рой бред, бери грэйдерно,
рей, Брэдбери! Великий Брэдбери!

Над предками, над бреднями,
запретами, зампредами,
потрясная орясина,
волшебная колясочка,
чтоб призраки корячились,
чтоб выздоровел Караченцов, —
какое счастье! — мчась,
300 столетий в час!

Доверчивее мамонта,
почуя благодать,
народ, тобой обманутый,
тебя начнёт качать.

И над толпой коляска
взовьётся, боже мой!
Чтоб попа, как Аляска,
сверкнула над тобой...

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Нам, застрявшим в метро «Вернадского»,
человек из Космоса повторял:
«Я — Байкал. Объект вращается,
объект вращается. Я — Байкал».

Полчаса осталось. Розовые Вирсаладзе.
«По небу полуночи ангел слетал».
«Я — Байкал. Объект вращается,
объект вращается. Я — Байкал».

Стреляли в Брежнева. Цвели бойскауты.
Хочется думать, что он живой.
Исчезла вера, есть зубоскальство:
«В Космосе — герой, на Земле — геморрой».

Омулевый бочонок забайкальский.
Волшебной водою силён Байкал.
Идёт тренинг на апокалипсис.
Но парень в Космосе повторял:

«Я — Байкал. Объект вращается.
Пусть прощаются. Прав сигнал».

Летите, люди, в библейском блюде.
Молчит Кассандра в открытой мгле.
Голова в скафандре, как б... на блюде,
прощаясь, бешено летит к Земле.

Металл расплавился. Что со страной?
Полчаса осталось. Судьба вращается.
Пусть в мире сознание развращается!
Дежурный ангел открыл ангар.

Стропы вращаются. Жизнь прощается.
Спросил у встречающих: «Седой я стал?»
«Я — Байкал. Объект вращается,
объект вращается. Я — Байкал».

СМЕРТЬ ЛАНДЫШЕЙ

Холодящий, как градусник
под мышкой позастревав,
светится хрупкий ландыш.
Он — чистоты реванш.

И в сердце забьются клапаны,
когда принимаешь ты
три ландышевые капли —
гарантию чистоты.

Услышит душа наивная
радонежский звон —
он белый, а не малиновый —
ландышевый он.

Утром встряхнёшь, вздохнувши,
два ландыша падших,
как сплющенные ладошки,
со срезанными пальчиками.

Коснутся воды стакана,
пара перчаток сплющенных.
И чистота бездыханная.

Забудь её, чистоту.
Ату её, как Тату...

БИБЛИЯ

Там Суламифь в канкан-оргазме
танцует с головой Гонгадзе.

ДО СВИДАНИЯ, РУКОТВОРНОЕ!

Последняя ручная книга.
Последнее прощанье с тайной.
Последнего речного сига
прижизненное трепетанье.

Последнего столетья «книксен»
раскроется обложкой книжки,
как запах фразы земляниковой
из дневника Марины Мнишек.

Прощай, последняя сучара.
Нас заебли эксперименты.
Последняя мысль ручная
последнего интеллигента...

ШЕСТИДЕСЯТЫЕ

Василию Аксёнову

Подобно самураям,
живёт взаимы народ,
но мы не вымираем,
мы — мамонты свобод.

И, может, динозавры.
Шалея от побед,
прощаемся «до завтра»,
а завтра у нас нет.

***

Завидую Святому Георгию,
на Змея поднявшего дырокол.
Но куст георгинов, дымясь георганом,
над нами встаёт, многоглавый дракон.

САРАТОВ

Сарынь на кичку!
Пощада — раненым!
Сирень зачитывается Северяниным.

ХОД КОНЁМ

— А у меня с загибом,
как у гиббона.
— Интеллигильно.
Без кондома?

Сдох канон —
ход конём.

Кондоминиум.
Все в масках.
Ум — до минимума,
«Мум» — по максимуму.

Горизонтальный off
по полю с зонтиком идёт.
Конь — вертолёт шахмат.
Как сверху шарахнет!
Сыгранём.

Слалом, high/speed, домертва!
Не сломай спидометра!

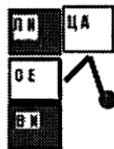
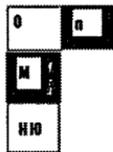
Немок конем.
Ход конём.
Сыгранём крепко!
Кверху донышком опять!
Приземляюсь в новую клетку,
которую не понять...

Е-2, Д-6, Е-15. КОД ОВНА
ДУШОЙ МАХНЁМ
БОЛЬШОЙ КАНЬОН
ХОДКА ДНЁМ

Я верхом на плече у папы,
Войтыла меня с трудом понимал.

Помнится об одном:
уходи-уходи конём.

Полудrugs, полудрём.
Палиндром —
ход конём.

ПАМЯТИ НАТАШИ ГОЛОВИНОЙ

Дружили, как в кавалерии.
Врагов посылали на...
Учила меня акварелить
Наташа Головина.

«Что моет нам кисти? Разве
не женский эмансипат?
Андрюша, попробуй грязью
красивое написать!»

Называется нейтральтином
задумчивый смыв кистей.
Впоследствии Тарантино
использовал слив страстей.

Когда мы в Никольском-Урюпине
обнимались под сериал,
доцент Хрипунов, похрюкивая,
хрусть томную потирал.

Была ты скуласта, банзаиста.
Я гол и тощ, как горбыль.
Любил ли тебя? Не знаю.
Оказывается — любил.

Мы были с тобою в паре.
Потом я пошёл один.
Обмывки страстей создали
чудовищный нейтральтин.

Карданной церковной башней,
густой вызывая стыд,
рисунок твой карандашный
в моей мастерской висит.

Выходит шедевр тем краше,
чем больше в мире дерьма.
Оправдано кредо наше,
Наташа Головина.

ФАНЕРА

Фан фанеры сменяется фанами фар,
фанами Веры.
Что Россия — наивное варварство
фанеры?..

Мы — чьи-то фанеры,
как я полагаю,
мычим неумело...
Россия по имени «Пелагея»
озвучит фанеру.

Зайти в захолустье,
полно сердце грусти.
И — вдруг — зазвенело
в тебе, словно тютчевское предчувствие!

Запела Фанера!

Читаю стихи тебе, мои бредни...
О нашей потёмкинской деревне.

Из глаз вылетают твоих и обратно
фанерные первые аппараты.
И мифы СМИ, подытожив нервно:
«До-ре-ми-фа-нера...»

Меня не пугают: преамбула шомпола,
ни высшая мера.
В нас несуществующим голосом Шамбалы
запела Фанера.

Ты знаешь, наверное,
что в небе — фанера.
Последними несутся Перуны
на крыльях «Финнэйра».

Я — голос Фортуны.
Я — только Фанера.

РАДИ ТЕБЯ

Ради тебя надрываюсь на радио —
вдруг ты услышишь, на службу идя,
я в этой жизни живу Тебя ради.
ради Тебя.

Я тренажёры кручу Тебя ради,
на пустом месте педали крутя.
В жизни, похоже, я кем-то украден.
И надо мною кружат ястреба.

Между убийцами выбор и пройдами.
Не ради «зелени» и тряпья,
не для народа я пел, не для Родины —
ради Тебя, ради Тебя.

Точно на диске для радиолы
дактилоскопическая резьба —
без твоих пальчиков мне одиноко!
Приди ради Бога, ради Тебя.

Не в Петербурге, не в Ленинграде —
в небе над Невским мы жили с тобой.
Третий глаз в лоб мне ввинтишь Тебя ради
антикокардой. Это любовь.

В моих фантазиях мало доблести,
жизнь виртуальную торопя,
я отучаю тебя от комплексов
ради Тебя, ради Тебя.

Пусть пародийны мои парадигмы.
Но завтра сбудется трепотня.
Если умру я, повторно роди меня —
роди ради Бога, ради Тебя.

АЛЕКСЕЮ ЗУБОВУ

Стебли росных ландышей
сакс напоминал.
Я нашёл в Лос-Анджелесе
Зубовский бульвар.
Зубов улыбался,
кумир антипопсы.
Как прорези на базе,
висят усы.

Ударник, старый мальчик,
бледней нашатыря,
семь лет не брал он палочки
в глуши монастыря.
Зуб, улыбнись, как ножик!
Лицо, как падишах,
как стул на венских ножках,
уселось на усах.

Лёха, гни колена.
Принц моих детских лет,
будто Лех Валенса,
усач и диссидент.
Буди интеллигенцию,
интеллигент!

Гуляют по Зубовской улице.
Усы жирные, как устрицы.

Русский камикадзе,
по ком дивертисмент?

Кто сказал, что эмиграция —
это смерть?
Разве только в эмиграции
есть Русь?
Шевелится сакс играющий,
как третий ус.
От Нью-Йорка до Сургута
общий вкус.
Наши внутренние трубы
ждёт Иисус.
Воеет сакс, как будто трупный
третий ус.

Бахи Бахусы
ушища
Усыпительно лассо

усыщи

Усышься

Усё

ЗАГАДКА ЛФИ

Засунув руки в брючные патрубы,
будто катая ядра возбуждения для,
Вы мне сказали про солдат партии:
«Нужна в хозяйстве и грязная метла!»

Сейчас всё кажется сентиментальщиной,
чудно:
Вы были главным эпохи подметальщиком,
я — выметаемое дерьмо.

Опали крылышки махаонные.
Команда подметальщиков, увы, мертва.
Осталась самострельная, самоходная,
самоуправляемая метла.

Зачем Вы стали погромщиком маньяковским?
Стали демоном ненависти, нелюбви?
Тайным собирателем картин Маковского?
Почти тёзка Ильфа — ЛФИ.

Зачем Вас вымели? Вывернули выдрою?
Сдали замминистром в Йошкар-Олу?
Может быть, за то, что мне тайну выдали
про государственную метлу?

В склепе запакованный в стиль нашего Капоне,
как гранит рокфоровский исчервлён,
кто расслышит стон ваш заупокойный,
Леонид Фёдорович Ильичёв?

ПАМЯТИ ЮРИЯ ЩЕКОЧИХИНА

По шляпам, по пням из велюра,
по зеркалу с рожей кривой,
под траурным солнцем июля —
отравленный сволотой,
блуждает улыбочкой Юра,
последний российский святой.

ГВОЗДЬ ОТ ДРУГОЙ СТЕНЫ

***

Я думал, Ты — звёздная женщина,
без минусов и теней —
не просто постельная сменщица
простыней.

Я думал, Ты — моя фабула.
Но с ужасом узнавал,
что девка с чулочной фабрики,
выходит, Твой идеал.

Глаза подымаю. Я понял.
Звезда бежит на порог.
И след продолжается по небу,
как спущенной строчкой чулок.

К рекордам идут калеки,
снимают с гвоздя Христа.
Бежит по твоей коленке
спускающаяся звезда.

***

Используйте силу свою.
Мы гости со стороны.
Вы бьёте по острию.
Я гвоздь от иной стены.

Мне спину согнули дугой,
по шляпку вбили вовнутрь.
Я гвоздь от стены другой.
Слабо вам перевернуть?!

Битый ноготь черней, чем дёготь —
боязно глаз впереть.
Назад невозможно дёргать.
Невозможно — вперёд.

Вы сами в крови. Всё испортив,
ошибся конторский вождь.
Сияет стена напротив —
та, от которой я гвоздь.

Я выпрямлюсь. Я найду.
Мы гости иной страны.
По шляпку в тебя войду —
я гвоздь от Твоей стены.

СОМНАМБУЛА

Полемизировал с Магометом.
Как подсолнечник, жёлт прикидом.
Маяковский был первым скинхедом?
Может, скажете — первым шахидом?!

Но наивная боль кубиста
перехлёстывала сквозь это.
Сомнамбулическое самоубийство
возвратило его в поэта.

Он парит над Москвой лубочной,
над Лубянкою криминальной.
Гениальный он был любовник,
остальное — конгениально.

И в отличие от смоковницы
с саксаулами,
революция Маяковского —
сексуальная!

«Мяу-ковский» — вопили кошки.
«Мао-конский» — глас протодьякона.
Поэт играет в собственные кости.
Как в небе «Як» или совесть св. Якова.

Зазывая в глаза огромные,
киберматерью была его Лили.
Убивались или любили.
Или-или.

Лилю Брик клеймили интриги:
«Чёрный пояс на ней с резинками».
Местечковый акцент меняли комбриги
на метерлинковский.

Не любил его критик в кофточке.
Наш народ так его и не понял.
Нацепив на лацкан морковку,
уходил Маяковский по небу.

Озарённая преступлением,
вся страна подымалась в гору.
Окровавленными ступенями
по шинелям шли «разговоры».

Рты заклеены, как конверты.
Не удерживаюсь от трюизма:
Маяковский — первая жертва
государственного терроризма.

АВТОМАТЧИЦА

В бревенчатом Переделкине,
когда-то любви орудие,
как белые полотенца,
мотались по полу груди.

Ловитвой в лучших традициях
они деловито носились.
Елозили по половицам —
лишь бы не занозились!

Дебелая автоматчица,
с колен, в слезах сфабрикованных,
молила, вопила, артачилась
Галина Серебрякова.

Я с демоном дискутирую,
с монстрами, с глазу на глаз.
«Сейчас вам продемонстрирую,
Андрюша».
Какая наглость!

И лагерные шрамики,
как крохотные рубины,
отсвечивали среди срама...
Я в ужасе отрубился.

Очнулся от крика Хрущёва.
Мне было не до прикола.
Из зала страшным крещендо
вопила Серебрякова.

МТС

Раньше гений и балбес
мыслили по-сталински:
«Наша гордость — МТС —
машинно-тракторные станции».

Пришёл прогресс. И денег без
мамаша плачется, как дети:
«Нас обсчитала МТС —
мобильные телесети».

Прогресс, мамаша, — тёмный лес.
И деньги ваши не вернутся.
Читайте слоган: «МТС —
Мошенники Только Смеются».

***

Годы. Крушения новые.
Никто тебя не спасёт,
девочка большеголовая
с бантом, как вертолёт!

***

Суперстары. Супостаты.
Хрущёв круче Троцкого.
Он своих крестьян подставил
в эпицентре Тоцкого.

СОТРЯСЕНИЕ

Ни зги. Синяк. Кровавый глаз.
Синьяк. Мазки. Мосгаз?
Маньяк? Мерси вам за него.
Мозги — это эскарго.

Спирали страха, где МАЙ ДУМ
жрёт перетраханый мой ум.
В кишки мозгов облачено,
раскручивается кино.
Но
не покидает моих дум

Май дум. Мудум. Мудум.
Мой дум, тумдум, тумдум.
Майданек, не будь тумбой.
Мой дум, вдум, тумдум.
Май дум. Мудум — тумдум.

МАЙ ДУМ.
Ешь, Магги, — тёртую морковь.
Полтонны съешь — улучшишь кровь.
Май дум организовал Майкрософт.
Оргазм мозгов.

Кино. Останкино. Танги.
Люблю жареные мозги.
Себе поджарю полмозга.
Жри, Москва.

Тревожит мысль сквозь тарарам:
что там?

Не ведал академик Тамм,
что там?
Сердечко бьётся, как тамтам:
что там?
Вопрос султанов и сутан:
что там?
Гамлет пытал и Нострадам:
что там?
Всей философии обман.
И одноглазый Тамерлан:
что там?
Что там — Тамара или Демон?
И демонтаж земных видений?

Не торопись. Узнаешь сам,
что там.

Выведу томографию.
Гематомический театр.
Выводы: демократию
нельзя терять.

Меж женщин, мокрых
от мелодрам,
поэт — тамограф
От слова «там».

«Не гребите мозги», — писал
Ги де Мопассан.
МосГИБДД не любит деньги
и т. д.
Макси — малый бизнес.
Мозги утекли на Запад.

Юго-Запад запил.

По Думе бегают май дум.

Я думаю, к чему мосты?

С Москино до кино Москвы?

И мысли, как рой мошки:

кис-кис тиски тоски иск икс моски-ты

МОСКИТЫ ты — ты — Ты — Ты.

ИНСТРУКЦИЯ ПО СКОРОСТНОЙ ХОДЬБЕ

Произнесите про себя слово «пятки».
Франц

Опятки пятками пятятся.
Беги, пока не распят.
Следи за пятками!
Пятки пятки — пятки — пятки — пяткипят!
пятки пятки...

Опля!
Конопля — в порядке.
Хоть на парад!
Хоть на блядки!
К чему прятки?!

Пяткипяткипяткипят...

Опять листопад на Пятницкой.
Я снова в шоковом сне.
Шёлковые твои пяточки,
Двойкие, как пенсне.

Душа обувается в тапочки.
Всё вкупе для эскапад.
Что жжёт нам подошвы?
Пяточки,
Как суп из опят, кипят

Кипяткипяткипятки...

СТАСУ НАМИНУ

Я писал «Треугольную грушу»,
для своей страны непристоен.

Миллионам открыла душу
треугольная Sharon Stone.

Стала барышня хулиганкою,
нам мигает, не арестован,
с бесшабашною элегантностью
▽- чек Шарон Стоун.

Над врагами и над околицей,
в знак протеста,
что показывает раскольница,
сжав двуперстье?

На запястье часы золотые,
а в руках её НОСТАЛЬГИЯ.

Слёзы проповеди Нагорной.
Тайны горничных телефонные.
Вальс Ростовой стал
вальс-бостоном.

Шарф насилья —
псалмом Христовым.

Аллергия у нас на плаксивость.
Террористка вместо пластида
ищет истину на простынках
— шрам со стоном! —
всё базируется на инстинкте

Зацелованный старый клоун,
что за мысли в мозгу моём брезжили:

ХОРОШО, ЧТО МЫ ВСЕ НЕ БРЕЖНЕВЫ.

***

Море — бескрайнее, как китайцы.
Когда ж заболит,
то вдруг начинает камнями кидаться.
Антиглобалист!

Жмурится море целыми днями,
а то сразу в слёзы —
и начинает швыряться камнями.
Ну, китаёзы!

***

Скучен твой страшный
ор в неглиже.
От раздражения
скушай драже.

КАРАЧЕНЦОВ

За что нас судьба карает
«Юноной с Авосью»? За
харизматизм характера
и выпученные глаза?

За патлы его густые?
За то, что разрешено
Караченцову дегустировать
Папского замка вино?

Карачатся папарацци,
бледные, как Махно:
«Поправится ли Караченцов?!»
Остальное — дерьмо...

Устал он от наших рацию.
Ледяной, как кипяток.
Одни надежды телячьи
на Божие толокно.

Девушка Караваджо —
прозрачнее, чем карпаччо.
Возможности укорачиваются,
но сердце возбуждено!

Карачаевские яйца,
Карачаевское молоко.
Караченцов поправляется!
Караченцов — молоток!

СИКУХА

1

Поршень работает, работает поршень.
Великий, чавкающий и пошлый.

Отец, изнасиловавший малышку,
теперь уже не получит вышку...

Well, дочурку гад поимел.
Век — ох, well!

2

Скинувши ветошь джинсовки «Wrangler»,
мне исповедуешься, Мой Ангел,
смешав наив детских губ обмылок
с женской опытной ухмылкой:

«Отец растлил, посадил меня на кол,
всё разворотил и по пьяни плакал.
Я обогнала сверстниц в развитии —
презрительно.

За существованием вашим слежу с пелёнок,
неудовлетворяемый вампирёнок.
Вы испытали ли в детской кроватке
бешенство матки?

Смотрю сериал — «Бультерьер Ментов».
Знал толк в порнографии Лер-монтов.
За что мне лермонтовская скука?
Амбивалентная я «сикуха».

Для понта надела я мамино пончо.
Что ни начну, не умею кончить...

Нет у лётчиков керосина.
Неизлечима болезнью духа.
Нескончаемая Россия,
может, Ты, как и я — сикуха?!

Гасишь чинарик болотных почек,
что начинаешь, не можешь кончить.
В бок пырнёт, чуть левее сердца,
носорог, точно нож консервный.

В кухне спорщики собираются,
споря напрасно про протуберанцев.
Будущие фигуранты:
ЦРУ и СИГУРАНЦЫ.

Выйду на Кропоткинскую запорошенную,
работает порнопоршень.
Навстречу мне митрофановский рост —
выпускники свинофабрики звёзд.
Я пройду Россией, красивая сука,
слышу: «Сикуха!»

Народ укрощён, развращён из центра.
Пугачёвщина — лишь на сцене.
Расплачиваемся по-фарцовски
за удовольствия отцовские.

Люблю дороги под лунным скотчем —
начавшееся не кончится.
С детства сырихой меня изумил,
сивухой и Рихтером пахнувший мир.

Что я твержу тебе ежесекундно?
«Ты — незасахаренная старуха,
ты — чемпионка духа, подруга!
Сакурой вешней цвети, сикуха!»

Нескончаема вода без крана.
Наша струящаяся страна —
нескончаемого страдания
нескончаемая страда.

3

Я в финале влюбилась,
следовательно:
в квартиру набились
менты и следователи.

Так сказать, моя встреча с прошлым.
Работает поршень.

Все глазуют, как за окном,
Млечный Путь продёрнувши в ухо,
на асфальты летит сикуха,
изнасилованная отцом...

ИНФЕРНАЛ

По-немецки gross,
а по-русски гроздь.
По-английски host,
а по-русски гость.

Граф с погоста был культурен.
Отрекомендовался: «Нулин».
«Граф Хулин?» — уточнили воспитатели.

Спасибо, Господи, за hospitality!

***

Пусть другие ваши рейтинги
обсуждают широко.
В самом страшном из столетий
нам с тобою — хорошо.
Хорошо, что нашей паре
по хую всё, ангел мой.
Хорошо, что мы совпали
не с эпохой, а с Тобой.

***

Рубаха ги
собака ги
летят под Баха
ту-ру-ру
но сердцу хочется согреться
и потому-то утром рано
тебе из пачки сигаретной
сыграют трубочки органа.

ШЛЕМА БЫ

В Москве, в Баден-Бадене, в вечных исканьях,
беспечный и нищий, как Насреддин,
я вдруг начал падать башкою о камни —
кругом наследил.

Вы же не мальчиколетний,
башка пробита, как дуршлаг.
Купил бы шлем мотоциклетный!
Певчий дурак!

Прошли полосатые Бухенвальды.
Но надо кому-нибудь тешить людей.
Я падаю и расшибаюсь буквально.
И кровью расплачиваюсь своей.

Здесь живший когда-то кумир и гений,
опять совпадение! — позвав на порог,
твердил мои строчки о грехопаденьи,
и в этом, увы, оказался пророк.

Скажу, что за девушку заступился
или просто навстречу попались поэты.
И среди них оказались оппоненты Паулса...
Увы, не кончаются оппоненты.

***

Коровёнки стоят нетучные,
тень орла на них наплыла...
Точно тютчевская туча,
покрывает их тень орла.

Служат Несторы не для евро.
И орёл отнюдь не мутант.
Никакие наезды Ездры
высоты его не смутят.

Уклоняясь от аллегии,
приподняв свой дырокол,
в каждом сердце Святым Георгием
побеждается свой орёл.

Край, который не понял Сороса,
не приветствовал «Chewing Gum»,
край сочувствия, то есть совести,
боль, подобная жемчугам.

Не предавший тебя ни разу,
что не клал под тебя пластид.
Край, который поймёт тебя сразу,
а когда не поймёт, простит.

Тихий край Серафима Саровского
и есенинских деревень...
Это всё не для постороннего
накрывала орлиная тень.

***

Мост. Огни и лодки.
Речушки борозда.
Баржа с седеющей бородкой
ползла, как старая дыра.

БОЙНИЦА

Вой Ницца
Порно ниша
Бокс в Нижнем
Бал нищих
Дозвониться
До низкого
Danissimo
Солженицын
Цензурится
Пол страницы
Из принципа
Пол принца
Бог шприца
Спой со шпирцем
Боль-ница
Забой птицы

И вечный бой
Нам только снится

* * *

Красней ободков редиски
альбома вырванные листы.
Каждая любовь единственная,
но всех единственной — Ты!
Дискуссионный дискурс
оставит твои черты.
Каждая любовь единственная,
но всех единственной — Ты!
Теннисный Валентино.
Палестинского общества члены.
Венские лебединые
стулья в них запечатлены.
Фуражки с высокой тульей
длинные, но пародийные.
Рождается песня композитора Туликова —
народное ассорти.
Любовь одна непобедима.
Каждая любовь единственна,
но всех единственной — Ты!

ВОЗВРАТИТЕСЬ В ЦВЕТЫ

Поэма

Посвящение

Как хочешь поступи.
Обрадуйся, сопя!
Я срезан по ступни.
Дарю Тебе себя.

Подставишь под струю.
В кувшине на столе
я сутки простою.
Дарю себя Тебе.

Как Ирис в неглиже
с отвисшею губой,
я рос с Тобой в душе.
Гляжу на нас с Тобой.

Уйдёшь, поговорив.
Поэтому потом
на пальце, как нарыв,
распустится бутон.

В наш тёмный дом войду.
Нашарю дверь ключом.
Налью в кувшин воды,
что станет, как крышон.

Столетия мелькнут.
Качаюсь на стекле,
как срезанный салют,
подаренный Тебе.

Швырни вниз головой
в помойную дыру...
Пока ещё живой,
себе Тебя дарю.

Второе посвящение

Кто я? — интеллигент —
эпохи беззаконий.
Открыл я элемент
по имени Цветоний.

В нём зверская тоска
по жизни, что иссякла.
В нём вытяжка цветка.
Но только не из всякого.

Волшебные цветы —
я Свету знал и Тоню.
Но знаешь только Ты
про витамин Цветоний.

Мы не спасёмся здесь,
где римская агония.
Нам полный лепестец
без лепестков Цветония.

Ты помнишь у Светония
булгаковский приём:
плыл огненной бегонией
в плаще центурион?

Но, пронизав пунктиром
языческий туман,
нам сердце цветонировал
свет первых христиан.

Так, вне цивилизации
Светоний Гай Транквилл
времён транквилизатор,
сам не поняв, открыл.

Духовный витамин
не знают фармацевты.
Но мы с Тобой сгорим
без этого рецепта.

Нас не спасёт побег
от бомбы мегатонной.
Настанет человек
по имени Цветоний.

ХОР:
*О чём накладная
цветочницы Ирмы?
Цветы, умирая,
владеют миром.*

Накладная

Кому-то наградная прайс-лист №	Характеристика	Харакири стиха
Роза Абракадабра ^{1,2} —	пей шампанское — у страны подагра.	Хризантему Орбакайте элит бардак на дебаркадере — на что Родину ни обрекайте — она благодарная.
Розитта Вендела ¹⁷ —	Анастасия.	Россия велела: «Живите красиво!»
Астра Терракота ³ —	астральный уход Тарковского.	Арест Ходорковского — наше Зеркало. XXI secolo.
Ромашки. Клавиши. Шопен ³⁷ —	Ромашки пенные. Шампейн.	Обезьяны пьяные. Новый год везде. Кто не пьёт шампанское, тот не шимпанзе.
Челси (Абрамовича). ⁷³ Если честно — для промоушена.	Но увлёкся футболистами. Замок, флоксы, каббалистика. Пил Абрау-Дюрсо с мадам Тюссо.	Черти ли заморочили ярангу Абрамовича.

Георгин ¹¹⁵	с надетой резинкой.	Что рты разинули?
Тюльпан сексуальный ¹⁸	тюрбан сусальный.	
Дурман обыкновенный ²⁴⁶	один миллиграмм в вену.	
Туман ⁵⁰³		в бесчестной войне.
Душман ¹²³	в чесночной чалме.	
Гиацинт Пёрпл ²⁷¹	зябкий запах.	Геноцид прёт на задних лапах.
Нарцисс ³⁴⁸	красивый, как нацист.	Взор небесный. Рост. Вес. Заглядишься — Зеркулес.
Хризантема Рейган импруд ³⁴⁸	лейкой по башке — и в пруд.	Рейтинги врут.
Морозоустойчивая Хилари ⁵²	проза нехилая.	
Покупная Моника ⁵⁷	как губная гармоника	
Подсолнух в жёлтой кофте ²¹⁴	женские губы в зёрнышках кофе.	
Хризантема Ориноко	харизматично одинока.	
Хризантема Наоми Кемпбел ⁷⁰¹ —	на глазах у всего столетья изнасиловал её дембель.	Виртуально. В муж. туалете.
Тишман ³⁷⁸	маковский гашиш. Маяковский — шахид.	Самоубился, святоша...

ХОР:

Это ещё цветочки!

*

Благодарствуйте, благодарствуйте,
нам подаренные незабудки!
Вам покажет жасмин постгодаровский
Бог из дальней своей кинобудки.

Благодарствуйте под сурдинку,
розы русского абсурдизма.
Благодарствуйте, Лилия Брик,
не посаженная на штык!

Почему, где вчера разбилась
ослепленная Богом дура,
нынче вырос изящный Ирис,
словно дудочка стеклодува?

Благодарствую, что в награду,
где левкой и разрыв-трава,
наши души взойдут на грядках.
Да пребудет воля Твоя!

Благодарствую, что Ты срезал
для меня свой волшебный сад.
Благодарствую, что не сразу
свой подарок возьмёшь назад.

Вьюнок

Наши муровцы — не тимуровцы.
Вечно ссорятся у корыта.
Из стреляющих лишь Амуры —
бескорыстны.

Нас конвой повезёт в корзинах.
Бескорыстно, не чуя ног,
вверх над пропастью по карнизу
синеглазый бежит вьюнок.

Бескорыстно, как Цискаридзе,
странный запах над нами плыл, —
сделав гранд-прыжок, приземлиться
позабыл.

И не надо быть Аристотелем,
чтобы просто грехи простить, —
всех неправильно арестованных —
взять и выпустить.

ХОР:

*От финских скал до дальневосточных
живём тускло.
Предстоят ещё цветочки
с косы по имени Тузла.*

Тату зла

Каллы	Светящиеся вроде милицейского жезла.	Рубайте крамолу из санузла! Читайте Байрона, хромого козла!
Розы-грыш	Летят снежные розы с крыш. Проза — кыш!	Поза грыж. Грымов принц. Козы гриль. Осень. Гриль овец. Пора джинс. Прикурил. Осы. Гришковец. Парад гримз. Гринпис. Децл. Осип. БГ, ОГИ Пора в Крым! беги, крысолов, Позабыт- беги! позаброшен. Гроссбух. Россия — Сгрыз двух. Лорелея? Шиш. Явлинский Гриш... Ша. Грёзы лишь. Россия. Лето. Лотерея. Розыгрыш.
Пчела,	берущая взятки,	вчера из Вятки.
Фигус — Фокус-Покус	запах мускуса.	
Роза Эскимо —	наезды на ЭКСМО.	
Спорынья	не пей с ранья.	

Белладонна	цветов вялые ладони	таят яд, как в лучших домах Лондона.
Красавка	страшна —	ведь её напиток давали ведьмам во время пыток.
Плющ	лепестки гипертрофированные, как парики питергофрированные.	Ядовитые споры плюща — муки паралича под звуки Петра Ильича.
Фиалка Монмартра	от Фалька до соцарта.	Когда на коне, они — Фальконе.
Лилия- отравительница	змея подколодная, белой коброй сочится яд.	Милая, зачем вы, Вера Холодная, вдохнули подаренный аромат?!
Эдельвейс ЖСК	сорокапятэтажка. Жить тяжело.	Две башенки или два пальца над Москвою торчат, грозя. Ураган крутой пыгается небу выколоть глаза.
Геликониум	к беззакониям.	Пасть гигантского кузнечика. Красный клюв и чёрный свиток. Клещи гаечно-кузнечные кажут вам орудия пыток.
Бодлер	от наших подлостей обалдел.	

Авиаоткрытка

Роза Блэк Баккара —
умирает, всех покоря.

Траурные ноготки —
травка из Боготы.

Чёрный тюльпан поэзии —
в шляпе Наполеон.
На ветвях, которые срезали,
распускается бутон.

Ромашками яичными
бухают хакеры.
Цветы русскоязычные
летят из Харькова.

Границы перекрыты,
но ищет адресата,
как авиаоткрытка,
шлагбаум полосатый.

Бывайте здоровеньки!
Пробили суржик шилом
Александр Кривенко
С Денисом Ворошиловым.

За срезанных поэтов
отмстят стихи Кривенко,
чтоб расцвели в букеты
сегодняшние веники.

ХОР:
Воды бы проточной!
Это ещё цветочки.

Царице порфирной
поправит тычинки
лепестковая Ирма
с грузинской Тишинки.

Пройдут святополки,
шевченки и пестели,
останутся только
тычинки и пестики.

С Останкином, воя,
расстанутся песенки.
Останется воля
тычинок и пестиков.

Цирцеи стреляли.
И церберы пели.
Больных исцеляли
цветы Церетели.

Забудутся узи.
Останутся фрезии.
Останется Грузия
как орган поэзии.

Компьютер всемирный
расстанется с вирусом.
Цветочница Ирма
останется в ирисах.

Ирисы

Из тюбика выдавлены наглые —
как гель, но которым бреются ангелы.
За нами следят глазами имбирными
ирисы Ирмы.

Их листья, как ножницы, тянутся снизу,
срезая призы с невидимых ниток.
Что в нас нарисуют — секрет фирмы —
ирисы Ирмы?

Ирис — безумец иррациональный?
Или трезубец национальный?
Стоят кирасиры по стойке «смирно» —
ирисы Ирмы.

А ты был лифтёром у аристократа.
Ты искрился риском.
Встречался с женщиной неоднократно.
Теперь она — Ирис.

Как затонувшие струны кифары,
стебли в бутылке из-под кефира.
Пытаются тину из сердца выскрести —
ирисы искренности.

Рис

Я рисую ирисы. Стиль папируса.
Декаданс. Озирис и Фаэтон.
На стене от сырости пятна в виде ирисов,
штукатурка лопается, как бутон.

Я рисую ирисы. Стебельки пузырятся.
Как подшипник Сириус. В конфорке газ.
Говорят, что ирисы не поют на клиросе,
но умеют спиричуэл петь под джаз.

На бумаге рисовой я рисую ирисы,
а на даче Сталина в полверсты,
как шоссе трассируют до Ассирии
обоюдоострые листья красоты.

И летят любовники божьей милостью,
надоели абрисы трёх тушек птиц.
Лилии Людовика превращаю в ирисы.
Я — консервативный анархист.

Я — рис. Ирис. И меня понявшая,
возникаешь, стройная, среди них, —
ирисная женщина, идёшь, поднявшая,
как модель парижская, воротник.

хор:

*Свинтите ветошь с посольской дочки.
Это ещё цветочки.*

Цветы времени
(От Эллингтона до Платона Еленина)

Крестный путь Дела Розы	как шипами по роже, на горе крови след, кожа вспорота, Боже! Третью тысячу лет не срастается кожа.	Это красный пунктир, изменяющий мир.
Лютик	Золотой ключик.	
Умирающая роза	от невроза.	Две чайных, согнув колени, у свежей могилы лежат. Их только что покалечили, чтобы не украл супостат.
Грандиолосы	слепок живого голоса.	Прошлый век ввёл радиолы и поэтические стадионы.
Порнирисы	по-парижски — виртуальная группа риска.	Родинка вылезает из листа. Полноте, эротика всегда чиста!
Бархотка	в бар хотца!	
Кактус Нокия	вместо стёбанного идеала.	Ноги, как стёганные одеяла!
Подсолнух Соня	глух к нововведениям.	Я бреюсь машинкой для стрижки газона. Сквозь щёки растут сновидения.
Орхидея дикая	охренела:	тычинки тикают.
Мак — «МК»	смак приматного языка.	Как первая «эмка» — Евангелие для эвенка.
Розенбаум —	сахарная голова, телящиком лабаем.	Тельняшка, как шлагбаум, воздела рукава.

Язык цветов

Тремоло, тремолотремолот.
Дезл. Пазл. Мылс.
Требует, молит трепетно
незвуковая мысль.

Песенка без мотива,
прическа, но без цирюльника.
Лексика ненормативная,
как говорится, рульная.

Как говорится, сюзили,
что наш язык не постиг.
Точно на холмах Грузии
мыслящий тростник.

Пришел ко мне гость из РГАЛИ,
критик и не дурак.
Но мне васильки моргали,
что означает — враг.

Где? В Москве? В Калифорнии?
Па-де-де? ГИБДД?.. Какофония...

ГИБДД, гонитесь за кибиткою!
Вы слышали — в лесу поют клесты?
Вы видели — на ирисах египетские
с овалами кокошников кресты?

Стрекозы очки наденут,
что означает — день.
Колокольчик смежает очи,
что означает — ночь.

Зембл. Сиу. Джипси.
Это язык любви.
Просит: оставь меня в жизни.
Что означает — сорви.

*

Шишига, шлэндра, гаишница.
таможенница и вообще,
рыжая, как яичница,
в когда-то белом плаще.

Зачем тебе снова пачкаться?
Но разве ты устоишь!
Хризантемы по сорок в пачке,
и в каждой пятой — гашиш.

шишига-шишига-шишига-шишига-шишига...
гашиш-гашиш-гашиш-гашиш-гашиш...
Мафия государства
    против иной структуры.
Заказчик не испугался,
    мальчики не стухнули.

Насквозь буравили пули
ящички хризантем.
Яичница стала бурой,
Точно яйца Eggs-ham.

Пейте, не чокаясь, марочное!
Бессмертен один Арафат.
Стриженные мальчики
лежат, уткнувшись в асфальт.

*

В стране идёт болтанка. Не спеши.
Есть тайная ботаника души,

когда слетает семя на поля
и гибнет, биополе опыля.

Ему, зерну прозренья, всё равно:
кто — гений перед ним или говно.

Что вам людей признание и суды?
Есть тайная бионика судьбы.

Есть сила ботаническая. Власть.
Как силлабо-тоническая страсть,

пронзающая потроха.
Есть тайная ботаника стиха.

Живу у всей планеты на виду,
но тайно, в ботаническом саду,

где единением души и брюха,
рождается явление Биодуха.

Хор:
Опять безыдейные.

Цветные видения

Б. Г.	ирис бородатый,	абрис аристократа.
Олег Меньшиков	без сменщиков.	
Литвинова Рената сплендит	невинна, зато чревата. Мир сбрендит.	
Земфира	дзен-мира в джинсовые дыры глядят сапфиры.	Земфира, Зема, даёт фору неземному семафору.
Вик. Розов	VIP для великоросов.	
М. Розанова	не матом единым проза нова.	
В. В. Розанов	вопросы пола	для грызунов.
Лианозовцы	жизнь занозиста. Слыхали РИА НОВОСТИ?	Лия ножницы проглотила. На сносях. Невинна. Родила без пуповины.
Марик Розовский —	Макбет в кроссовках.	
Кир коров —	Караоке, будь здоров!	Хор спецкоров.
Цветы бумажные	без эксгумации.	
Лёлик Табаков	за столиком для богов,	жрец не цветков, но цыплаков.
Рестуированный театр Таирова	вызывает всеобщее поклонение РенаТАУированная	свобода поколения.
	К нам приехал Гергиев.	Не хватает георгинов.
Анастасия	княжна в столетие сволочное?	А м. б., Волочкова?
Гиацинтова	Вы просто циники!	Летит над геоцентрами гробами цинковыми.

Истина

Есть Ортипа кустовая.
Есть Оптина пустынь.
Пусть нет ещё Пушкина —
есть бутон.
Есть ирис с бородкой
наоборотный.
Цветы — это оборотни,
но без погон.

Лесные без голоса
гладиолусы
трубят, изгибаются,
как граммофон.
Мы Красной Стрелой
несёмся с тобою.
Вагон — палиндром.
Он — гавно, но вагон.

Попробуйте вылезти
на полустанке,
почувствуйте оторопь
над водой.
опыт утраченный
русского старчества
над вами, как ирис,
тряхнёт бородой.

Это откроется
точкою стартовой,
тело отделится,
как береста.
Аскеза российского

юного старчества
полна христианского
волшебства.

Попробовать проще,
чем исподволь
выспросить.
Мостки — как в коробке
карандаши.
Жизнь — это не проповедь,
а ириса исповедь
и поиск потерянной где-то души.

Авторский отступ

*Моя фамилия Цветков.
Я сторож шоу. Автор слов.
Напарник Ирмы, ток-герой
и толкователь Накладной.
Хамелеону. Что хужей —
жду миллионных тиражей.
Я был Букашкин, был готов
стать богом. Нынче я Цветков.*

Пока автор придуряется,
Дверь приоткрывается,
и из автора,
как гильза из затвора,
выскакивает голова анти-Цветкова.
Ничего святого!

АНТИ-ЦВЕТКОВ:
*Ишь, размечтался!
Лезут сквозь прайс-лист*

*цветы — глисты мещанства.
Я — антиглобалист.*

Ломайте душистые кисти!
Безнравственен аромат.
Цветы — мазохисты,
им нравится умирать.

Камелии — проститутки.
Фрезии — самоубийцы.
Хрупкий трупик незабудки
вдень любовнице в петлицу!

Не ходите с ледорубом
к неразумному геноссе.
Подносите дамам трупы,
трупоносы, трупоносы!

Где бы вы ни поселились,
посыпайте за обедом
в пищу мощи базилика,
трупеды, трупеды!

Ваш фигуративный рейтинг
скособочен, скособочен.
Восемь хризантем в честь Рейгана,
фиг рабочим?!

Вы прайс-лист, как наградную,
чтите в нынешнем развале.
Поглядите — накладную
разорвали, разорвали!

Погляди: скелет скелету
дарит под живым нарядом
восхищенные букеты
с трупным ядом, с трупным ядом.

Все покойнички распроданы,
повези хоть вагонетку.
Нет чего-то в нас и в родине?..
Бога нету, Бога нету.

Группы, пойте Пахмутову!
Умер рок.
Труп врага хорошо пахнет.
В нас умер Бог.

Гусеница — как подкова.
Мне снится мадам Цветкова.

ХОР:

*Очень важно для цветов
удобрение корней.
Не смотрите на Святое
с точки зрения червей.*

**НЕ РАССМАТРИВАЙТЕ ХРИСТА
С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ГЛИСТА.**

Разрыв-трава			
С грузинской розой в руках идёт девочка. А вдруг и правда хорошо делается? И электричество не обесточится. Свет неопознанный струится девственно. Спасибо спонсору за дар Рождественский.	Потрохами чувству слова Патриарха. Без крови — вот моё кредо. Не розните кра грузинского букета! Берегитесь взрывпакет	йте	Бонжур, покедова!..
Пастернак	из семейст набухая л был трап первых з	су а. ва моркови, обовью, езую христиан.	Из крови и мрака и общего смака к нам корни свои простирал.
Док. Астров	дока Ас До кат	астроф.	
Роза Тевосян	обра	в Твой осиян.	
И. Чурикова	ино О	планетянка. ранжеря платяная. Пугачёва	Окочуришься.
Жасмин + Кузьмин			
Цвета Ева			

...Разрываю наискось Накладную,
как удар палашом от плеча до седла.
Я опомнюсь. В слезах я над нею колдую.
Между нами трещина пролегла.

Стала исповедь будто надпись настенная.
Разлетелись обрывки цветов.
Хризантема распалась на «Христа» и «антенну».
Гиацинтова стала частицей «тов».

В тебе слишком намешано —
молодой пофигизм и святая финифть!
Расширяется трещина по имени женщина.
Нас не соединить.
Ты заслушалась шершеня
над цветком Фета-Шеншина — ...
Не прервите виолончельную нить!

Я всю жизнь жду Тебя. Мусора мусорили.
Уходя, я повешу на ручке дверной
принесённые ирисы, как Муссолини, —
вниз головой.

ХОР:

*Сморкайтесь в треугольные платочки.
Белых ландышей озноб
на поляночке сосредоточился,
как на плешке флэш-моб.
У сторожа лопнули порточки.
Это ещё цветочки.*

Эпилог

Мой гений, сквозь мрак, разрывающий душу,
сказал, как судьбу подытожил:
«Я счастлив торжеству Вашему, Андрюша.
я рад, что до него дожил».

Пристыжены годы народного Линча,
скажу, возвращая, что должен:
«Я счастлив торжеству Вашему, Борис Леонидович.
Я рад, что до него дожил».

Возвратимся в цветы. Глупо способ указывать.
Человек практически не готов.
Но ежесекундно в душе у каждого
происходят похороны цветов.

Мой сад затоптан мальтузианством,
нашествием лис и пней.
Край мой, отечество артезианское —
выше всех степеней.

Я тебе на холме у зелёного выреза
белый храм приколю наподобье цветка.
Обожаю белые ирисы!
Как их жизнь коротка...

ХОР:

*Вишь, Вишнева.
Не цвети лишнего.
Спасибо, Господи,
за жизни тяготы.
Это ещё ягодки.*

Возвратитесь, Цветков! На руках, как верёвки,
вздулись вены, подобные проводам.
Вы из дома ушли. Вы назад не вернётесь.
Возвратитесь к цветам!

Пусть губа расцветает не только при гриппе.
По одной хризантеме в ружейные вставьте стволы.
Возвратитесь в себя, пешеходные хиппи,
расцветайте, цветы.

Пусть все звезды цветут, от Махно до Давида,
нелегальные касты!
Не бывает цветов ядовитых.
Есть лекарственные.

Пусть взъерошенный шмель тебе в душу вкопается.
Отражаясь в капле на лепестке,
ты дрожишь, как Дюймовочка в розовом капоре.
Оставайся в цветке.

Вас за шкирку подвешат безмены.
Как скрипичные шейки, изогнутся морские коньки.
Люди временно смертны. И этим бессмертны.
Возвратитесь в цветки.

Возвратитесь к тюльпанам, как к Малым
голландцам!..

Каждый мастер — кустарь.
Ваши губы — не только чтоб матом ругаться.
Возвратитесь к устам.

Пусть за вами пульсируют сердцебиением
мастурбирующие мосты.
Слишком долго служили вы удобреньем.
Возвратитесь в цветы.

Пусть шоссе пролетает точильными искрами,
есть одна в мире истина: «Я + Ты».
Живите искренне.
Живите ирисно!

ВОЗВРАТИТЕСЬ В ЦВЕТЫ!

***

Хватану в меру.
Нарру Новый Год!
Нарру New Year!
Нарру new Ева!
Нарру new God!

Вера в new Евро
по полной эропрограмме!
Неопогромы, цунами, Чечня —
и вся прочая хайня!

Нарру Нью-Йорки!
Нарру new ёлки!
Сердце ёкнет
от секс-двустволки!
Нарру new пихты!
Нарру хиппи!
Убийство в VIPe!
Нарру хулиган в кепи!
Граф Хулин ещё не в склепе!

Нарру new Russia!
Нарру неряшливый!
Нарру new Растиньяки!
Нарру неохристиане!

Нарру new Happiness!

Нарру new Star!
Нарру new пенис,
у кого он стар!

Он устал, —
пенистый
в небо швырни бокал!

Нарру new мои кошки!
Нарреping second hand!
Нарру new Маяковский,
первый русский skinhead!

Нарру Женя Дюрер!
Нарру дуры де-юре!
Нарру русская литература,
фурыкающая «Антифюрер»!

Нарру new веселье!
Нарру new печали!
Нарру все новоселья,
куда нас не звали!

Тайские бабочки,
мебель очковая!
Нарру new баночное!
Нарру new бочковое!

Нарру кондитерская Виченцы!
Чеченцы, ЧПенцы, ВИЧенцы!
Нарру хвойные стрелки минутные!
Нарру new Ньютон!
Нарру new Хэпбёрн!
Тому, кто не нуден,
пою молебен!

Нарру NEW АНГЛИЯ!
Нарру NEW АРБАТ!

Нарру падший ангел!
Нарру соблазняющий гад!

Нарру New Year!
Хряпну, но в меру!
Кто Властелин Колец?!
Дыхну в лицо милиционеру —
полный списец!

ЯНВАРСКИЙ ЭКСПРОМТ

Все, от Кушнера до Кюхли,
мы — интеллигенты Кухни.
Интеллигенты, из кухонцев.
На ТВ чихал Чухонцев.

Но «Триумф» — посреди дня.
Вставать рано, но придётся,
Триумфальная родня!

Юнна Мориц, Ахмадулина,
Лена Шварц, теперь Чухонцев.
Пусть завистник чертыхнётся!

Вызревая, как хурма,
золотое слово рвётся
изо рта золоторотца.

Остальное всё Чухня!

Я — МОСКВИЧ

Дразня «москвичка, в жопе спичка!»,
вы остроумны и правы.
Я тоже чту и РЭП, и спиричуэлс,
но, вдруг, представьте, нет Москвы.

Нет ни толпы, ни трасс трассирующих,
ни долларовой ботвы...
Москва — это не вся Россия,
но нет России без Москвы.

Сейчас к ней ненависть в зените,
как к инфицированным ВИЧ.
Вы извините,
я — москвич.

Люблю амфирные окошки,
Останкина целебный шприц,
Блаженного торчащих ложкой
лукошки крашенных яиц.

Люблю я кич Moscow-City
и мельниковский зуботыч.
Вы извините,
я — москвич.

В мозгу останется Москва-река,
поэт со спутницей мускатною,
целующийся силуэт...
Как ты, Москва, тогда расквакалась!
Остался цел подлец-поэт!

А мог на ёлке у Свентицких
свинцовой почести достичь.
Вы извините,
я — москвич.

Москва подземная, которая
наш — в будущее переход,
где выпускник консерватории
на нищей скрипочке поёт.

Лица кавказские в транзите.
Вы русский — но ножом не тычь.
Вы извините,
я — не москвич?

Мелодиею из Винявского —
слетит на голову кирпич.
Вы, извиняюсь,
не москвич?

Когда нас вьюги заносили,
Москва хлопушкою была,
как слепок с гибнущей России,
как маска Пушкина бела.

Ну что ж, звоните, заходите!
Гость ненавязчив, как москит.
Вы извините,
я — москвич.

Живи, страна, стихи муссируя,
меня, как своего, браня.
Конечно, я не вся Россия.
Но нет России без меня.

ФЕСТИВАЛЬ МОЛОДЁЖИ

Пляска затылков,
блузок, грудей —
это в Бутырках
бреют блядей.

Век турбулентный.
Век параной.
Может, и Лермонтова
под ноль?

Ах, Михал Юрьич,
сдай на анализы —
свою порноюность
сбреем налысо.

Пей вверх тормашками,
влей депрессант,
чтоб нового «Сашку»
не смог написать...

Волос — под ноль.
Воля — под ноль.
Больше не выйдешь
под выходной!

Смех беспокоен,
снег бестолков.
Под «Метрополем»
дробь каблучков.

Точно косули,
зябка стоят.
Вешних сосуллек
грешный обряд.

Фары по роже
хлещут, как жгут.
Их в Запорожье
матери ждут.

Их за бутылками
не разглядишь.
Бреют в Бутырках
бедных блядищ.

Эх, бедовая
судьба девчачья!
Снявши голову,
по волосам не плачут.
1956

АУРА

Я живу с Твоей аурой.
Твоя аура — алая.
Я люблю Твою ауру.

В годы мрака и траура,
как под дулом Макарова,
я забыл Твою ауру.

Распрягаются шорники.
Нету ауры в шопинге.
Шопенгауэр — в шокинге!

Ты живёшь внутри ауры
виноградную косточкой.
Из волшебного шарика
так достать Тебя хочется!

Всё Твоё состояние —
для духовной парковки.
Куст крестовой сирени,
где листочки — пиковки.

Только всё это — алое:
стали пики червонными.
Я гляжу через ауру
Твоих глаз зачарованных.

Все зимой бабы круглые,
лепят их северяне.
Но они, красногрудые,
улетят снегирами.

Серый крестик сирени
стал крестом скорой помощи.
Обещает прощение
всем влюбившимся по уши!

К ауре не ревнуй меня!
Не грустите по фраеру.
Аура неминуема,
возвращусь в Твою ауру.

ДЕВОЧКА С ПИРСИНГОМ

Поэма

Не гадайте над Девочкой с персиками
с тайной мамонтовско-серовской.
Разгадайте девочку с пирсингом,
проколовшую сердце серёжкой.

Как жива ты в нашем паноптикуме,
фиолетовый стригунок?
Нос похож твой на флейту с кнопками —
только нет подходящих нот.

ПИРСИНГ — ЭТО БИСЕР ИНДИВИДУАЛИЗМА.
ИСКУССТВЕННЫЙ ХРУСТАЛИК —
ЭТО ПИРСИНГ ЗРЕНИЯ,
ВСТАВЛЕННЫЙ БЕЗ НАРКОЗА.

ГВОЗДИ — ЭТО ПИРСИНГ ХРИСТА.
ПИРСИНГ — это наркота «ДЕ БИРСА».

ТАТУ — это грибница пирсинга.

ПИРСИНГ — ЭТО ВОЗБУЖДЁННАЯ ТАТУИРОВКА.

— Они кровопийцы, они мормоны...

Девочку с пирсингом звать Мамонова.

*

Познакомьтесь, Нинон Мамонова!
Слишком рано познала ты

неокрепшей душой манонской
изуверский кайф Красоты.

Занимай пустую вакансию!
Героинка Времени — ты.
Чтоб сломали, цветёт акация —
провокация красоты.

Трудно школьнице, да ещё шкоднице.
Сейф брильянтов в носу носи!
Раньше обрубали пальцы с кольцами,
теперь срезают носы.

ВМЕСТО ПЛАСТИЧЕСКОЙ ОПЕРАЦИИ
КОЛИТЕ ДЫРКИ ДЛЯ ВЕНТИЛЯЦИИ.

Пейте пильзенское пиво!

ПИРСИНГ — ЭТО КРАСИВО!

Мы красотой опирсингованы.
Конь Блед — серебряными подковами.

Поля шурупами васильковыми —
опирсингованы, опирсингованы.

Запеленговано Иговою,
шунтами сердце опирсинговано.

Иконы наши опирсингованы.
Пупок спел голосом Преснякова.

Души жемчужины — не только говны —
опирсингованы, опирсингованы.

Лик — как картофелины Прасковьины
ростками белыми опирсингованы.

(Лично я пирсингом не балуюсь,
но интересуюсь ростками будущего.)

Неужто вилами забьют крестьяне
опирсингованного Себастьяна?

НЕ СДИРАЙТЕ РОДИНКУ ОДИНОЧЕСТВА!
ОРДЕН — ЭТО ПИРСИНГ СОВЕСТИ.

Алкашка мама твоя — торгашка,
страну назад и вперёд толкавшая,
торгует мангами и лимонами,
вместо Мамонтова — тов. Мамонова.

Соседка клялась, уродина,
что видела тайну мамину —
левый сосок, опирсингованный орденом
Трудового Красного Знамени.

А прадед Мамоновой был полярник,
которому довелось
на полюсе лампой паяльной
подправить земную ось.

И в такой семье такого выродка
взрастили!

Не чтит твоё окружение
лица ненормативное выражение.

Пугаю процентом преступности века...
Ты мне говоришь: «Смотри!

% — это пирсинг левого века
и правой ноздри».

КОГДА В ПУПОК ВСТАВЛЯЕШЬ ТЫ ВИЛКУ
ТЕЛЕВИЗОРА —
ПО ЛИЦУ ТВОЕМУ ИДЁТ ПРОГРАММА
«В МИРЕ ЖИВОТНЫХ».

Святыни не трогать!

ПИРСИНГ — ЭТО ПУШКИНСКИЙ НОГОТЬ.

Растёт % преступности.

ЯЗЫК МАМОНОВОЙ — как у детей.
С нами — На 0 ми. Её пуп — ОК!

Я ♥ Москву.

Ж. П. Готье — на попе дек 0 льте.
Боди-арт — БОЭБОБИ а 0 рт.

Опирсингуем кандидата в президенты!
(Бурные аплодисменты.)

Пошли вы на ■...

От ответов твоих поёжишься.
Ты не жалуешь словари.
Так булавки торчат из ёжика.
Тоже пирсинг. Но изнутри.

*

ОПИРСИНГОВАННЫЙ ПОРОСЁНОК
ВЫИГРАЛ «PANASONIC».

Он поставил, новичок,
с дырочками пяточок.

Ах, Мамонова, по-булгаковски
новый век, в куски разрубя,
как безумный портной, булавками
примеряет Тебя на тебя.

Каждый атом анатомии
в тебе хочет автономии!

Окольцованы, как птицы,
брови намылились за границу.

Принц Альберт выжимал гантели.
Автономные губы пели.

Куда убёг
опирсингованный пупок?

Согнув спину в безумном рейде,
ухо едет на велосипеде.

Два других играют в пинг-понг.
Душ души обдал кипятком.

Ну и перси!
Дрожит колечком, как милицейский свисток,
опирсингованный сосок.

*

Преследуемые ОМОНОм
вдоль тёмной Москвы-реки
несутся Нинон Мамоновой
опирсингованные куски!

А ты, как дорожные шахматы,
вставляешь, умелица,
шамаханские штифтики махотные
в дырки едущего лица.

Проколи иллюзии шилом!
Анекдотом с детьми махнись.
Садо-мазохистские страшилки
лучше, чем наш садо-мазохизм.

Поколение Пресли? Поколение Пепси?
Что за бред! Каждый Лир — инфант.
У поэта на сердце пирсинг,
принимаемый за инфаркт.

Обнимая в ночную пору
Тебя, как велит инстинкт,
в себя втягиваю сквозь поры —
п и р с и н г?

Спи, раскрывшийся апельсин...

Спи. Забудь криминал рубильников
и тёмных орлов крыла...
В УХО МОСКВЫ РУБИНАМИ
ВОНЗИЛСЯ ПИРСИНГ КРЕМЛЯ.

*

СССР — ЭТО ПИРСИНГ РОССИИ.
СИНГАПУР — ЕВРОПИРСИНГ АЗИИ.
— Общественное безобразие!..
ПИРСИНГ — ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ ПОКОЛЕНИЙ —
ПИРОСМАНИ, ДЖАГГЕР, «PRODIGY».

«Я — московская папуаска!
Не путана на пуантах.
Попугавши вас, несусь,
словно бритву-безопаску,
три отверстия в носу».

*

В левом ухе — про дожди,
в правом — «Prodigy».
В левом рэп — в правом баркарола.
— Мама, я проколола!

— У, какой пирсинг у прокурора!
— Мама, я проколола...

— Дочка, заткни и радуйся.

37° 38° 39° 40° — это крест под градусом.

Императорская температура —
в тебе пожар, в Москве пожар.
— Мамочка, я проткнула
земной шар!
Бред!

Принц Альберт напряг свой арбалет.
Вздулась с кольцами щека,
как гранаты чека...
Врач говорит: «Старуха,
у вас пирсинг среднего уха».

АЛЬБЕРТ ВСТАВИЛ КОЛЬЦО САТУРНА.
ДАМАМ ДУРНО!

У Альберта, первокурсника,
ухо, как билет, прокусано.
Он качок. Он ищет Скарлетт.
Курит. С праной соотносится.
Зато дым он выпускает
через пирсинг переносицы.
Кружатся колечки дыма.
Вдень в себя колечки, весел,
чтоб как штору нас подвесил
ангел неисповедимый.

ПИРСИНГ — ЭТО ПИРОТЕХНИКА ТЕЛА.

Не везёт тебе, девочка, с пирсингом.
Оклемалась. И вновь ЧП...
Иванова гуляет с пёсиком.
Ты же — с крысою на плече!

В метро отрубятся гримзы.
Вагон накрылся газетой,
когда с персональной крысой
войдёшь ты — с живой горжеткой.

— Крыса подпольная, крысонька,
люблю тебя без ума!..

Провокация круче пирсинга —
чума!

Не травите в лаборатории
Божьих тварей! Бедная крыска...
Молчать о своей истории
крыса-бабушка дала подписку.

Посадили в ведро крысу-бабушку,
Посадили врага на ведро.
И несчастная, в плен попавшая,
прогрызает ему нутро.

Как мучительно прогрызаться
через воюющие кишки!..
Человечья цивилизация
развивается вопреки

миру Божьему и животному.
Всё теснее тюрьма-ведро.
Ты с насмешливой зевоткой
озираешь людей в метро.

ПИРСИНГ ИНТИМНЫХ ЧАСТЕЙ ТЕЛА —
ПРИВОДИТ К СПИДУ.

*

Как электропила визжащая,
озверевшие от тоски,
прогрызая цивилизацию,
не свои ли грызём кишки?!
Провоцируй, Нинон Мамонова!
Но улыбочка всё трудней.

С визгом ввинчиваются вагоны
к концу света, через туннель.
Не кусайте девочку, пресса.
Не давите заботливым прессингом.

ВЗРОСЛЫХ ПРОСЯТ НЕ БЕСПОКОИТЬСЯ.

ОПРИЧНИНА — ЭТО ПИРСИНГ ПСИНЫ.

*

Ни поэта. Ни атлета.
Ни усталого лица.
Только серебро нетленно.
И не окисляется.

Только в уши можно золото.
Речь лицо приобрело.
У меня душа проколота!
Только слово — серебро.

Разбухало, брёвна словно.
Кашку ешь на молоке.
Но серебряное слово
холодит на языке!

Ранка зарастёт целебно.
Сбросив тело, налегке,
человека след серебряный
остаётся в языке.

Выйду в ночь. Луна над пирсом.
Перископ — как моря пирсинг.

Нет Альберта. Нет Нинон.
Побежали за вином.

УХО ИСКРИТ. ИСКРИТ ВНУТРИ.

ГИМН ПИРСИНГА

Хватит, малыш, краснеть!
Смейся, как проиджист.
Боль. Секс. Смерть.
Это и есть жизнь.

Интернационал,
чёрный и голубой,
секс и смерть повязал.
Это и есть Боль.

Факс. ЗАГС. Сакс.
Мы ксерокс твой, ирокез!
Смерть. Боль. Секс.
Death. Pain. Sex.

Мама наша — тату.
Отец — абсолютный нуль.
Не знающие табу,
мы — флейты в дырках от пуль.

Режет Ван-Гог ухо,
Наоми Кемпбел — пупок.
Боль — это секс духа
Death есть Бог.

Пей, пока ты не пень!
Стань звёздным, пока ты здесь!..

Секс. Смерть. Pain.
Боль. Бог. Death.

ПУЛЯ — ЭТО ПИРСИНГ ВИСКА.

СНИТСЯ ПЕРСУ ПЕРСУПЕРСОН.

*

Ниночка, забудь о крыске бедной!
Разгляди, задумчивая, сон,
где на берегу кровавой бездны
сидит девочка над ножом.

Меж тобой и девочкою этой
светлячками, ссадинами слёз
садо-мазохистское столетье
пронеслось.

Просинело. Пророзовело.
Прозвенело в ухе другом.
Чтоб гонялись милиционеры,
словно дети за светлячком.

Стёб для нёба стал непотребным.
Извини, российский Синг-Синг.

ЛУННЫЙ СЕРП —
ЭТО ПИРСИНГ НЕБА.
P i e r c i n g.

Соловьиный джаз над бензином
резанёт, как в носу колье.
В слове «piercing» необъяснимо
есть присутствующая «е».

До свиданья, девочка с piercing-ом!
Улыбнись. Сквозь блеск мишуры
удивлённая Девочка с персиками
в тебе светится изнутри.

Содержание

Марля времени

Х.В.	8
Море	12
«Как палец, парус вылез...»	13
Соскучился	14
Новый поэт	16
Песенка	17
Озеро Жалости	18
Откат	20
Видение	22
Осень Пастернака	23
Носорог	26
СКВ прилетели	28
«Я хочу Тебя услышать...»	30
Не сетую	31
«Проктолог — отоларингологу...»	32
«Скачут яблоки, как блохи...»	33
Прощай, сайгачонок!	34
Лето олигарха	36
Плохой почерк	38
Деньги пахнут	40
Семидырьё	42
Япономания	44
Не покидай меня (<i>Романс</i>)	45
«Пост-трупы звёзд...»	46
«Безветренна наша площадь...»	47
Стихи, написанные в клинике	48
Вампы (<i>Поэма</i>)	50
Марля времени	62

Гениальная ошибка

Весёленькое стихотворение	66
Гениальная ошибка (<i>Поэма</i>)	67

Гуляю в офшорах	77
Премьера	78
Розивелет	80
Я другому виной	82
Мужчина и зеркало	84
Дом отдыха	87
Ответ на записку в Одессе	88
«Слава павшим!...»	90
«Люблю неслышный почтальона...»	91
«Сад осенний как Кустодиев...»	92
Иван-царевич	93
Ю. Д.	94
Сюжет	95
Дирижёрка	96
Виртуальное вручение	98
«Жемчуг бёклинский светит блёкло...»	101
Красивая стоматолог	102
Третья рука (Поэма)	104
Хобби	109
Езра в неизвестное	110
Кларнет	118
Катёрка	120
Ева	122
Дом	124
Жарим мираж (Поэма)	126
Жертвы 11 сентября	132
Плач по братку (Ответ Евгению Евтушенко)	136
Время скорби	138
Коляска Рея Брэдбери	140
Возвращение	144
Смерть ландышей	146
Библия	147
«До свидания, Рукотворное!...»	148
Шестидесятые	149
«Завидую святому Георгию...»	150
Саратов	151
Ход конём	152
Памяти Наташи Головиной	154
Фанера	156

Ради Тебя	158
Алексею Зубову	160
Загадка ЛФИ	162
Памяти Юрия Щекочихина	163

Гвоздь от другой стены

«Я думал, Ты — звёздная женщина...»	166
«Используйте силу свою...»	167
Сомнамбула	168
Автоматчица	170
МТС	171
«Годы. Крушенья новые...»	172
«Суперстары. Супостаты...»	173
Сотрясение	174
Инструкция по скоростной ходьбе	177
Стасу Намину	178
«Море — бескрайнее, как китайцы...»	181
«Скучен твой страшный...»	182
Караченцов	183
Сихуха	184
Инфернал	187
«Пусть другие ваши рейтинги...»	188
«Рубаха gu...»	189
Шлема бы	190
«Коровёнки стоят нетучные...»	191
«Мост. Огни и лодки...»	192
Бойница	193
«Красней ободков редиски...»	194
Возвратитесь в цветы (<i>Поэма</i>)	195
«Хватану в меру...»	222
Январский экспромт	225
Я — москвич	226
Фестиваль молодёжи	228
Аура	230
Девочка с пирсингом (<i>Поэма</i>)	232

Литературно-художественное издание

Серия «Поэтическая библиотека»

Андрей Вознесенский

стиXXI

Подготовка к изданию
Михаил Скрьльников

Редактор
Лариса Спиридонова

Художественный редактор
Валерий Калныньш

Корректор
Ирина Машковская

Вёрстка
Иван Земляченко

Подписано в печать 06.06.2006.
Формат 60×70^{1/16}.
Бумага для ВХИ.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 12,1+1,2.
Тираж 3000 экз. Заказ № 435.

«Время»
115326 Москва, ул. Пятницкая, 25
Телефон +7 (495) 231 1864
e-mail: letter@vremya.ru
<http://books.vremya.ru>

Отпечатано в ОАО «ИПП «Уральский рабочий»
620219, Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.
<http://www.uralprint.ru>
e-mail: book@uralprint.ru

Андрей Вознесенский пришёл к нам с беспечной лёгкостью 20-х годов и Аполлинера. Сюрреализм сочится через его пальцы. В нём есть тонкость Чехова и Пруста. Это прежде всего первоклассный мастер, который сохраняет героическую выдержку и вдохновение быть и оставаться самим собой. Он, как и всякий поэт, против официоза. Его поэзия побеждает.

Роберт Лоуэлл

Я всегда любил Вашу манеру видеть, думать и выражать себя. А я и не ждал, что ей удастся быть услышанной и признанной так скоро. Тем более я рад этой неожиданности и Вашему торжеству.

Борис Пастернак

<http://books.vremya.ru>

информационная поддержка

ISBN 5-9691-0141-9

9 785969 101418

компьютерная графика

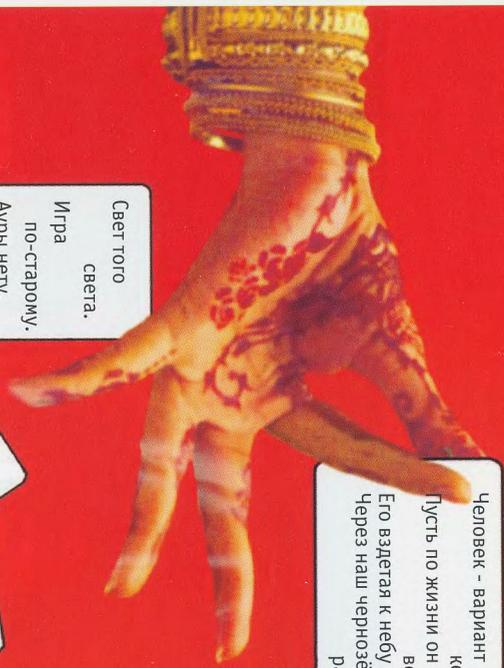
Михаил Крихели

Леонид Гаврилов

андрей вознесенский

в и д е о м ы

Человек - вариант кентавра.
 Пусть по жизни он вод и скот,
 Его взлетая к небу аура
 Через наш чернозем растёт.

Свет того света.
 Игра по-старому.
 Ауры нету,
 Ставлю на ауру!

Гюры и гаеры.
 Древние правила.
 Ставлю на ауру!
 Ставлю на Дьявола!

Глюкоза Оза Глюка.
 Мы все из бубнового люка!

БУБОННЫЙ
 (забубенный)
 бей бубей

ПИКВИК
 Век пик

Небо не хавали.
 Now are you?
 Ставлю на ауру!
 Аурой быю!

Меж адом и раем Идет игра.
 Мы все стоим
АУРА - УРА!

ОДНОГЛАЗЫЙ ТРЕФОЛЬГАРОВ
 Не снимал рейтуз
 Вульгарно

ВАУЧЕРОВ
 завуч эпохи ВОВ
 пять вечеров

"Без червов жить нельзя,
 без стервов!"

Пел бестселлер Ниндзя в пещерах:

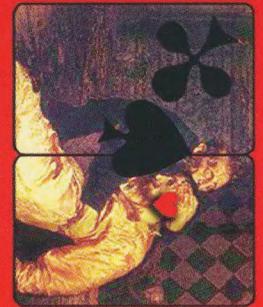
Пик адор
 Риг - мент
 Фрак - мент
 Мент - Апитет
 Рафазль
 Санти(мент)
 Брик - шпик
 Биг - Мак
 Карл Маркс
 Кар - Смак
 Пик Христа.
 Реасе - Да!
 Внук внук
 Кинг кинг.
 Шар - фиг.
 Штраф - фиг!
 Больше VIC
 чем VIP.
 Пол - овина
 Хер - овина.
 Еденуа рick

На сердце тр-три воце'а.

На встрече - Черевички.

Что с нами - бу-булочка с маком.

Полный пис-децентрализованный строй.

Подсказка зала - Че

РАБЫНЯ ИЗАУРА ИМЕЕТ ВСЕРОССИЙСКУЮ АУРУ

У мавра, сделавшего своё дело,
аура похудела.

Светоч кухни - "Ариэль".
Век с кликухой - ХХЛ.

Тёмная дюжина,
тёмная дюжина -
Это название пасьянса.
Тёмная дюжина
безоружная,
Точно Аппассионата.

Хористка из нашей церкви,
Соратница
Клары Цветкин.
С фамилией
харизматической

НЕЦЕЛКИНА.
Голубая мечта Переделкина,
Цель её - производство кина.

Пришла с единою целью -
Выбрать себе ауры цвет.
Но вдруг под звук
группы "Цепелин"
Рухнула на паркет.

Убийство в ВИПе!
Под вопли выпы
Входят хиппи.

Убил её
Пансионатов.
Может, слишком
любил, debil.
Зачем? Значит,
было надо.
Пришел. Увидел. Убил.

Сила полночная.
Сила недужная.
Кто может спастись,
спасайтесь.
Голь полночная,
чертова дюжина
Блоковского пасьянса.

Я помню взгляд
карбонария,
Гамаюново умилен.
Учил меня Пассионарии
Свихнувшийся

В чём аура
Льва Николаевича?
Сумеречная душа?
Я вёз ему от Ольги
калачиком
Костюмчик из США.

Воры, старoverы, варвары!
Ненавижу свою мать!
"Виновата пассивность ауры.
Россию надо спасать!
Спасёт нас Пассионария.
А где, извиняюсь, посатать?"

Америке Азия грозила
карою.
Летел Манхэттен,
как вверх ногами стул.
Два последних пассионария
Примеривали костюм.

Я помню взгляд
над костюмчиком -
Так люди уже не глядят -
Волчий какой-то, сумчатый
И ангельски вольный взгляд.

Над землей поднимался распятии,
Пил народ. Занимался векслом.

ПАСТЕРНАК,
фастрабайтер распада,
Сделал аурой отгород.

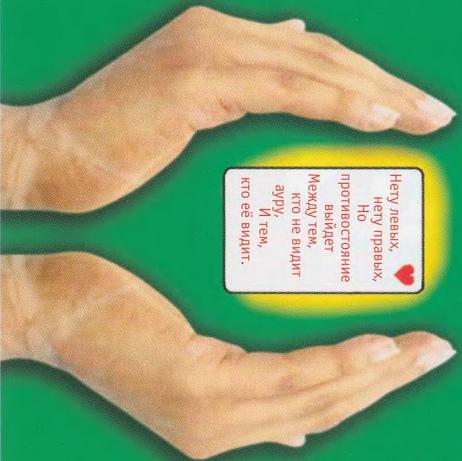
Пастернаковская аура
С той поры продолжает нас,
И целобен как яд куары
Его карий смешивай глаз.

Нету левых,
нету правых,
Но
противостояние
выидет
Между тем,
кто не выидит
ауру.
И тем,
кто её выидит.

АУРЫ НЕТ

ТОТ СВЕТ

Кто-то без разрешения
Тарары.
Шарашич, не оННМ...
От России старается аура -
Мета о спассенич

АУРА

Я живу с Твоей аурой
У Тебя она алая
Я люблю Твою ауру.

В годы мрака
и трауря,
Как под дулом
Макарова,
Я забыл Твою ауру.

Распрягаются
шорники,
Нет ауры в шолтинге,
Шолентаур -
в шокинге.

Ты живешь внутри ауры
Виноградно-
косточкой,
Из волшебного шарика
Так достать
тебя хочется!

Все Твое состоянии
Для духовной парковки,
Куст крестовой сирени,
Где листочки пиковки.

Только всё это алое,
Стали пики червонные,
Я глажу через ауру
Твоих глаз
очарованных.

Белый крестик сирени
Стал крестом
скорой помощи,
Обещает прощение
Всем влюбившимся
по уши.

К ауре не ревнуй меня,
Не грустите по фраеру!
Аура неминуема,
Возвращусь в Твою
ауру.

Грили пернатых - красота,
Нацели да лоб
Нали!
Губенаторов
наддули,
Но они не лопнули.

ПИКАЙЗЕН
Пикам развод противозакан.

АУРА-ПОКА
Верит в крокодильего
бога.

Жизнь -
котлета паровая
Без конфликтов и
травог.
Если ауру порвали
Значит совесть не сберёг!

Бабы зимние - круглые,
Лепят их северные.
Но они - красногрудые -
Улетят снегирями.

Нам
вырубили
электричество,
Но где окажемся сами?
Когда Данте и Беатриче
Обмениваются местами?
Как нам прожить без ауры,
Традиции?
Весь если честно -
без Дары
что был бы Франческо?
И Пауло без Франческо?

Сестричка моя,
игр значиница,
Специалист по аурам!
Японская правозащитница
Не понявшая сыск
discovepy.

Сестра моя носит траур
По половине своей,
Но не выносит аур
фосфоресцирующих людей.

аура

Десятка трефовая -
это кладбище.
Рисует игла сумасшедшего гравера

Икры твои вминаются
как клавиши.

ИГРАУРА

Нет
Петарки
без
наурки.